
М.Ю. Ульянов

Памяти К.В. Васильева (1932–1987)¹

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ
ПЕРИОДА ЧУНЬЦЮ (771–453 гг. до н.э.)

Не хочу никого вводить в заблуждение.
Мои фразы, даже самые уверенные по форме,
на самом деле чаще всего представляют собой
лишь предположения.

Бернар Гене²

В данной статье на основе анализа сообщений письменных источников мы попытались сформулировать модель протекания процесса «сохранения исторической памяти» в историческом регионе Восточная Азия от зарождения государственности в середине III тыс. до н.э. до начала империи Восточная Хань в I в. н.э. Основное внимание было уделено систематизации представлений о формах сохранения памяти о прошлом в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), прежде всего об официальном историописании. Были охарактеризованы функции историографов и некоторых представителей жречества, которые были вовлечены в этот процесс.

¹ К.В. Васильев (1932–1987) — выдающийся историк-китаевед, ученик Б.И. Панкратова (1892–1979), создавший ряд работ по истории Древнего Китая, основанных на анализе текстов исторических источников. Смог избежать некритического восприятия стереотипов китайской исторической традиции с характерным для нее ассоциативно-мифологическим и коррелятивным мышлением и остаться в рамках мышления, присущего европейской исторической науке. К.В. Васильеву принадлежит выдающаяся роль в изучении китайского историописания. Для его работ характерно сочетание приемов «критики текста» источников с систематизацией и исторической интерпретацией их данных. Им были систематизированы сообщения источников и намечены пути исследования данной темы, в частности он начал описание того этапа, который приходится на период Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) и на начало периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.).

² Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 9.

Мы исходили из того, что условия для порождения и развития определенных культурных явлений, в том числе и сохранения памяти о прошлом, существовали в конкретных *культурных средах*. В рассматриваемое время память о прошлом могла сохраняться в устной и письменной форме. Устные произведения порождались всеми слоями общества, и большую часть из них составляли поэтические тексты, принадлежавшие к различным жанрам фольклорной литературы. А создание письменных произведений осуществлялось в двух тесно связанных культурных средах: храмовой и дворцовой. Там же осуществлялись их *сохранение и репрезентация*.

Представления о прошлом существовали в виде «священной» и «реальной» истории. Задача передачи «священной истории» была возложена на жречество, а для фиксации «реальной истории» потребовались особые должностные лица. Они появились в храмовой среде, но в описываемое время выполняли определенные обязанности при дворе.

Официальный характер историописания был обусловлен историей складывания института историографов (*даши*), которые в предыдущую историческую эпоху, период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), принадлежав к высшему слою столичного жречества, отвечали за организацию проведения религиозных ритуалов в рамках культа предков правящей династии, и всех других культов.

В царствах периода Чуньцю церемонии в рамках династического культа отправлялись самими царями, задача организации остальных церемоний перешла старшим жрецам *чжу*, а *даши* — в рамках культа предков сосредоточились на ведении «анналов», в которых регулярно фиксировались основные деяния носителей высшей власти и другие значимые события. При этом, сохраняя высокий статус в жреческой среде, они обрели значимое положение при дворе. Таким образом, ведение «анналов», которые стали основной формой сохранения исторической памяти, было тесно связано с религиозными представлениями, а именно с культом предков правителей, который являлся основным общегосударственным культом.

Ключевые слова: Древний Китай, период Чуньцю, формы сохранения исторической памяти историописание, анналы, хроники, культурные среды

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье мы сформулируем модель протекания процесса «сохранения исторической памяти» в историческом регионе Восточная Азия на протяжении большей части Древности: от зарождения государственности в середине III тыс. до н.э. до начала второй долго-

временной империи Восточная Хань в I в. н.э.³ Затем сосредоточимся на систематизации существующих представлений о формах сохранения памяти о прошлом в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), прежде всего об официальном историописании. Кроме того охарактеризуем функции историографов и некоторых представителей жречества, которые были вовлечены в этот процесс. Официальный характер историописания в рассматриваемый период был обусловлен тем, что сохранение исторической памяти было тесно связано с религиозными представлениями, а именно с культом предков правителей, который являлся основным общегосударственным культом.

В российской синологии вопросами древнекитайского историописания наиболее глубоко и последовательно занимался К.В. Васильев⁴. Общие источниковедческие обозрения принадлежат Г.Я. Смолину и М.В. Крюкову⁵. Важные материалы и наблюдения содержатся в работах Б.Г. Доронина⁶, А.М. Карапетьянца⁷,

³ Историческим регионом Восточная Азия будем называть области в восточной части Старого Света — древние центры цивилизации в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы.

⁴ См.: *Васильев К.В.* «Планы Сражающихся царств». Исследование и переводы. М., 1968; *Он же.* Из истории древнекитайских письменных памятников // *Страны и народы Востока.* М., 1971. Вып. 11: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии; *Он же.* Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии (Критический обзор исследовательской части книги: *Imber A. Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan.* Vol. 1, 2. Stockholm, 1975) // ППВ, 1975. М., 1982; *Он же.* Ранняя история древнекитайских письменных памятников // *Рукописная книга в культуре народов Востока.* М., 1988. Кн. 2.

⁵ *Смолин Г.Я.* Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987; *Крюков М.В.* Китай и Юго-Восточная Азия // *Источниковедение истории Древнего Востока.* М., 1984.

⁶ *Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; *Он же.* Об истоках одной особенности китайской феодальной историографии // *Вестн. Ленингр. ун-та.* № 8. История. Язык. Литература. 1979. Вып. 2; *Он же.* Институт «историографов» (*шигуаней*) и его место в цивилизационных процессах в Древнем Китае (к характеристике явления) // *Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация: XIII–XIV Всероссийские конференции* (Москва, 21–22 мая 2007 г., 22–23 мая 2008 г.). М., 2008. Ч. 1.

⁷ А.М. Карапетьянцем были высказаны важные идеи о природе фиксации исторической памяти в разные периоды древнекитайской истории в статье 1988 г. См.: *Карапетьянц А.М.* «Чуньцю» и древнекитайский «историографический» ритуал // *Этика и ритуал в традиционном Китае.* М., 1988. В 2010 г. эта статья была опубликована в несколько переработанном виде, см.: *Карапетьянц А.М.* У истоков китайской словесности: Собр. тр. М., 2010.

Ю.Л. Кроля⁸, В.А. Рубина⁹. Существенные особенности древнекитайского историописания были выявлены в новаторских статьях Д.В. Деопика, посвященных изучению *Чуньцю* («Вёсны и осени») как хроники царства Лу периода Чуньцю¹⁰. Исторический процесс и культурная ситуация периода Чуньцю подробно описаны в специальном труде Л.С. Васильева¹¹. Ранее нами было опубликовано несколько статей по различным аспектам исследования древнекитайских источников и истории историописания¹²; ценный опыт

⁸ *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.

⁹ *Рубин В.А.* О датировке и аутентичности «Цзочжуань» // Проблемы востоковедения. 1951. № 1; *Он же.* «Цзочжуань» как источник по социальной истории периода Чуньцю: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; *Он же.* Дневники. Письма. Тель-Авив, 1988. Кн. 1–2; *Он же.* Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по «Цзочжуань») // *Он же.* Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999; *Он же.* Был ли в истории китайской литературы «этап ораторского искусства?» // Там же; *Он же.* Как Сыма Цянь изображал период Чуньцю // Там же; *Он же.* Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Там же; *Он же.* О народном собрании в древних государствах Восточной Азии // Там же.

¹⁰ *Деопик Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // ОГК-IV. 1973. Вып. 1; *Он же.* Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // ОГК-V. 1974. Вып. 1; *Он же.* Государство Ци в VIII — начале V в. до н.э. (по данным «Чуньцю») // ОГК-VI. 1975. Вып. 1; *Он же.* Исторический контекст-анализ // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. науч. совещ. М., 1987; *Он же.* Некоторые тенденции социальной и политической истории Восточной Азии в VIII–V вв. до н.э. (на основе систематизации данных «Чуньцю») // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999; *Он же.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Там же; *Он же.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011.

¹¹ См.: *Васильев Л.С.* Древний Китай. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). М., 2000. Т. 2.

¹² *Ульянов М.Ю.* К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э. // Губеровские чтения. М., 2009. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность; *Он же.* Первые упоминания Юго-Восточной Азии в китайских источниках: проблема Хуанчжи (текстологический аспект) // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность; *Он же.* Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // ОГК-XLI. 2011; *Он же.* Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)? // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 14–17; *Он же.* Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditore Илье Сергеевичу Смирнову. М., 2013. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. 50).

в изучении древнекитайского историописания был получен нами при реконструкции и переводе *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст») — как хроники царства Цзинь периода Чуньцю и анналов наследовавшего ему царства Вэй 魏¹³, а также при переводе *Чуньцю Цзочжуань* (««Вёсны и осени» с комментарием Цзо») ¹⁴ и особенно во время участия в проекте по завершению перевода труда Сыма Цяня *Шицзи* («Исторические записки»), которым руководил А.Р. Вяткин¹⁵.

В китайской историографии теме историописания «доциньского» периода (до 221 г. до н.э.) посвящено сравнительно много работ. В них затрагиваются разные темы: особенного внимания требуют работы, где описана группа должностей, которые китайскими авторами объединяются в группу *шигуаней* (букв. историков-чиновников). Из них выделим монографии Сюй Чжаочана¹⁶, статьи Шэнь Цзыцзе¹⁷. Из западной историографии упомянем работы С. Аллан, К. Кук, К. Вогельзанга, в которых рассматриваются различные аспекты сохранения памяти о прошлом в доимперском

С. 317–336; *Он же*. «Историографы» *даши* при дворах государей ряда царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Восток–Запад. Историко-литературный альманах, 2011–2012. М., 2013. С. 16–36; *Он же*. Данные *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») о ведении «анналов» в царствах Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // В пути за китайскую стену: К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014. С. 437–454.

¹³ Бамбуковые анналы (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М., 2005.

¹⁴ Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням” / Исслед., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указ. М.Ю. Ульянова. М., 2011. Важные замечания о специфике древнекитайского историописания содержатся во Введении, написанном Д.В. Деопиком: *Деопик Д.В.* Вступительная статья // Там же.

¹⁵ *Сыма Цянь*. Исторические записки (*Шицзи*). М., 2010. Т. 9 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, М.Ю. Ульянова, при участии С.И. Кучеры, В.В. Башкеева, С.В. Дмитриева, М.С. Королькова, М.С. Целуйко.

¹⁶ *Сюй Чжаочан*. Чжоудай шигуань вэньхуа: Цянь чжоусинь ци хэсинь вэньхуа синтай яньцзю (Культура историографов Чжоуской эпохи: исследование морфологии сердцевины культуры в предьосеовое время). Чанчунь, 2001; *Сюй Чжаочан*. Сянь Цинь шигуань дэ чжиду юй вэньхуа (Состав историографов доциньского времени и культура). Харбин, 2006.

¹⁷ *Шэнь Цзыцзе*. Шигуань цзай Цзочжуань чжун дэ чжэнчжи юй вэньхуа цзяосэ (Историографы в *Цзочжуань* — их роль в политике и культуре) // Фу да чжун янь со сюэкань. 2005. № 15.

Китае¹⁸, а также труды Б. Блэйкли, Ю. Пинеса и Д. Шаберга, посвященные исследованию *Цзочжуань*, в которых затронуты вопросы историописания¹⁹. Стоит упомянуть изданную на английском языке работу китайской исследовательницы Ли Хуй-и (Wai-yee Li, 李惠儀), которая в значительной степени принадлежит к китайской историографии и сохраняет многие ее особенности²⁰.

¹⁸ Allan S. What is a *shu* 書? // European Association for the Study of Chinese Manuscripts Newsletter. 2011. N 4; Vogelsang K. Inscriptions and proclamations: on the authenticity of the “gao” chapters in the *Book of Documents* // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 2002. Vol. 74.

¹⁹ Blakeley B.B. «On the authenticity and nature of the *Zuo zhuan*» revisited // Early China. 2004. Vol. 29; Pines Yu. Foundations of Confucian Thought: Intellectual Life in the Chunqiu Period, 722–453 B.C.E. Honolulu, 2002; Schaberg D. A Patterned Past: Form and Thought in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2001.

²⁰ Wai-yee Li. The Readability of the Past in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2007. Нам уже приходилось писать об особенностях китайской историографии, здесь уместно напомнить: «Что же надо учитывать при знакомстве с китайской историографией? Первое — для носителя китайской культуры древность “жива”, поэтому современные китайские историки и филологи — носители этой древней традиции и, более того, ее ревностные хранители. Второе, китайская традиционная наука представляет собой иной — во многом альтернативный европейскому путь развития научной мысли. Здесь все это время господствовали натурофилософские и нумерологические подходы к познанию мира. В силу этого и китайская гуманитарная наука сохранила ряд черт, которые также пришли из глубины тысячелетий. Китайскому гуманитарно в научном познании прошлого бывает непросто вырваться из культурно обусловленных рамок. Современная китайская историография несет на себе черты всей двухтысячелетней традиции и в этом отношении порой **больше принадлежит ей, чем современной науке**. Ее основная черта — сохранение элементов мифического мышления» (см.: Ульянов М.Ю. Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. Лето. М., 2014. С. 90).

Кроме уже упомянутого неполного разделения мифического и реального и в восприятии, и в познании исторического прошлого Китая, следует также назвать и отсутствие в гуманитарной научной традиции строгих принципов классификации и типологизации, позволяющих выявлять и фиксировать связи между элементами познаваемых объектов с целью определения места самого объекта в более общей системе. Иными словами, китайский гуманитарий — носитель традиции может описывать очевидное и пересказывать написанное, но у него почти нет возможности получать новые знания посредством анализа источников с помощью специальных методов. Эти обусловленные традиционной культурой особенности научного мышления, бесспорно, оказали значительное влияние на современную синологическую историографию, прежде всего собственно китайскую, но также имеют свои проявления в западной и российской востоковедной науке.

Рассматривая прошлое, историки различают два важнейших типа процессов: исторические и этнические. Если считать, что исторический процесс состоит из четырех видов процессов: политического, социального, экономического и культурного, то процесс сохранения исторической памяти относится к числу культурных, но при этом в нем находят отражение и все остальные процессы. При изучении этого процесса важны теоретические представления о трех взаимосвязанных социокультурных феноменах: о возникновении и развитии **письменности, государственности**, а также о формах **сохранения памяти о прошлом** (включая историописание).

При изучении древней истории все письменные произведения, независимо от жанра и формы их сохранения (переданные культурной традицией и эпиграфические), рассматриваются в качестве источников. Основную ценность представляют специализированные исторические сочинения («анналы» и «хроники», «летописи» и «истории»), содержащие основной список датированных событий, который позволяет реконструировать протекание политического процесса. Но для исследования прошлого существенны и все остальные произведения, освещающие всевозможные стороны жизни общества.

Историческая память — естественное проявление человеческой культуры, неперенный спутник развития общества. Традиция ее сохранения проходит длительный путь развития от устных форм к письменным. Представляя собой сложный культурный феномен, она существует в догосударственный и государственный периоды, изменяется вместе с трансформацией общества²¹. Ниже, рассматривая традицию сохранения исторической памяти в Древнем Китае, мы будем обращать внимание на особенности ее письменной фиксации. Говоря о *формировании* традиции, будем исходить из того, что в период возникновения государственности первое время письменные способы фиксации памяти о прошлом в определенной степени связаны с моделями, которые существовали в устной культуре. Однако когда возникла потреб-

²¹ Широкий круг статей на эту тему содержится в сборниках: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010.

ность в историописании как таковом, появились новые формы специализированных сочинений, которые не имели прямых аналогов в устной культуре.

Выделим основные этапы процесса «сохранения исторической памяти» в древней Восточной Азии и кратко охарактеризуем их содержание.

1. В **догосударственный период** знания о прошлом сохраняются в памяти людей, и все формы их передачи носят устный характер. В родовом обществе занятие главенствующих социальных позиций подчинено законам традиционного родового права и не предполагает политической борьбы за власть. Основное значение придавалось старшинству в роде, положению в клане и т.п., поэтому важнейшей формой сохранения исторической памяти являлась фиксация последовательности предков, степеней родства и, возможно, сроков жизни. Поскольку в догосударственный период происхождение рода связывалось с тотемом, а в предгосударственный — с тем или иным божеством, к спискам предков исторических неизбежно прикреплялись предки мифические.

Для того чтобы сохранить и передать память о прошлом, в культуре вырабатывались свои специфические формы и навыки. Сведения о событиях прошлого перерабатывались по определенным законам, которые изучаются литературоведами: фольклористами и мифологами. На этом этапе знания о прошлом существенно преломлялись, принимая форму мифа, затем — легенды, позже — исторического предания. В позднеродовом обществе существовала такая форма передачи знаний о прошлом, как архаические (мифические) эпические сказания, содержавшие развернутые поэтические повествования о деяниях божеств, происхождении человека, добывании элементов культуры, защите от чудовищ и др.²²

2. С **возникновением государственности** (в Восточной Азии — около середины III тыс. до н.э.) вместе с различными элементами культуры родового общества эпические формы сохранения памяти о прошлом продолжали бытовать — при этом развивались героические эпические сказания о деяниях предков рода как идеальных героев, о

²² Е.М. Мелетинский писал: «Архаический эпос обобщает историческое прошлое посредством языка и концепции первобытных мифов... Прошлое племени рисуется как история “настоящих людей”» (*Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006. С. 269*).

героических царях древности и «богатырях»²³. В этих сказаниях также содержалось большое число сообщений о чудесах и сверхъестественных событиях; их исполняли сказители, эпические певцы, часто слепые, окутанные ореолом таинственности и святости²⁴.

Формирование письменности и государственности — процессы хотя и синхронные, но развивающиеся с разной временной амплитудой. В древней Восточной Азии письменность зарождается ранее, чем государственность, и проходит длительный путь развития²⁵. Археологические данные показывают, что когда на Нижней Янцзы возникли первые в регионе государства, уже существовало несколько видов письменности²⁶. Однако в целях сохранения исторической памяти письменность начали использовать далеко не сразу. Государство создает запрос на развитие систем письма, но требуется время для того, чтобы возникли такие из них, какие были бы удобны для записи исторических сообщений определенного типа. Но и форма этих записей сначала была далека от того, что мы бы сейчас назвали историописанием. Самые ранние из них, по-видимому, так или иначе относились к религиозно-ритуальной сфере, включая и мантику.

²³ Вопрос о сохранности эпоса *хуася*, в частности народов, населявших государства Шан и Западное Чжоу, и историзации исторического предания был поставлен Л.С. Васильевым (*Васильев Л.С.* Проблема мифов и исторических преданий в Шан-Чжоу // ОГК-XXIX. 1999. С. 36–50). На наш взгляд, заявление об исторической амнезии шанцев представляется слишком радикальным. Известно, что если государственность развивалась, а эпос не был записан, то он в своем полном виде утрачивался (как у *хуася*). Но если часть этноса была вынуждена отселиться в предгорья и горы (как у *хмонгов* и *миенов*) или один этнос имел свою «внутреннюю периферию» (как у *юэсцев-вьетов* — *мыонги*), то эпические произведения имели шанс сохраниться. В шанское и западночжоуское время еще не было технических возможностей и культурной потребности для записи текстов большого объема. Такие возможности появились сравнительно поздно, в период развитых государств периода Чжаньго, когда эпос у равнинных *хуася* уже перестал бытовать, а своей «внутренней периферии» у них не оказалось — *хуася* успешно осваивали Великую равнину. Тем не менее следы эпоса сохранились в кратком виде в составе некоторых од из раздела «Великие оды» *Шицзиня* («Канона поэтических произведений»).

²⁴ *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 2004. С. 423.

²⁵ Только в последние годы появилось достаточно археологического материала, чтобы судить о зарождении письма в Восточной Азии и ранних этапах его развития. См.: *Деотик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии (современные представления) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тез. докл. М., 2008; *Деотик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 7–118; 2012. Вып. 6. С. 205–249; 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 15–103.

²⁶ Подробнее см.: *Деотик Д.В.* Царство Мо — первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. М., 2009. Сб. 1.

На этом этапе развития государственности упорядочивались астрономические и астрологические представления, а также выработывались системы календарного счета, связанные с аграрными циклами, сменой сезонов и т.п. В австрийских государствах Восточной Азии еще в до-шанский период (до 1300 г. до н.э.) сформировалась система фиксации порядка предков (ставших почитаемыми духами) и указания родства между ними с помощью «циклических знаков» (две группы по 12 и 10 иероглифов), в рамках которой каждый предок наделялся своим индивидуальным номером²⁷. Сочетания этих же «циклических знаков» использовались для нумерации дней. Так формировался столь важный элемент историописания, как датирование событий.

Развитие государственности предполагало развитие идеологии, в основе которой лежали представления о санкционированном божествами или Небом праве династии на власть. В условиях усложнения институтов государственности, всё большей сакрализации высшей власти и усложнения системы обрядово-ритуальных действий миф и героический эпос сохранялись в более кратком («концептуализированном») виде — они включались в состав различных литургических песнопений (общее название *ши* 詩; например, *сун* 頌 «гимны») и «писаний» (общее название *шу* 書; например, *сюнь* 訓 «наставления»), которые исполнялись во время проведения религиозных церемоний и дворцовых ритуалов.

3. В **раннегосударственный** период письменная фиксация исторических сведений начинается не сразу с «историописания» как такового. В целом, стремление записать то, что можно запомнить, — это сравнительно позднее явление. Каждому этапу развития государственности соответствовали свои письменные формы фиксации исторической памяти. О наиболее ранних из них судить всегда сложно в силу ряда обстоятельств²⁸. Во-первых, в Восточной Азии второй половины III — первой половины II тыс. до н.э. мы имеем дело с

²⁷ Norman J. A Note on the Origin of the Chinese Duodenary Cycle // *Linguistics of the Sino-Tibetan Area*. Canberra, 1985. С. 85–87; Крюков М.В. К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // *Древние системы письма: этническая семиотика*. М., 1986. С. 108–109.

²⁸ Важно учитывать и то, что при записи устных форм происходит их неизбежная трансформация — своего рода «перекодировка» устной традиции (см.: Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. М., 2006. С. 141).

первичными государствами. Соответственно, порождение всех форм социального опыта здесь, в отличие от более поздних вторичных государств, происходило постепенно, проходя все типологические этапы, и носило не прямолинейный, а возвратно-поступательный характер. Во-вторых, в ранних государствах древней Восточной Азии, в отличие от государств классического Востока, не было принято оставлять надписи на «вечных» материалах — на каменных стенах и писать на табличках из глины²⁹.

Возникновению историописания, по-видимому, предшествовали некоторые записи, которые осуществлялись в храмовой среде в религиозных и обрядово-церемониальных целях. Прежде всего, это списки правителей, ведение которых было обусловлено требованием культа предков. Одновременно в ритуальных и мантических целях записывались отдельные сакрально значимые деяния правителей и их ближайших подданных. Такого рода упоминания регулярно встречаются в гадательных надписях времен Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.) и в надписях на бронзовых сосудах конца этого периода. Для первых характерно перечисление датированных событий, связанных с деяниями носителя высшей власти (отправление религиозных церемоний и др.), а для вторых — упоминание о деяниях подданных, принесших им заслуги перед государем, за которые им были пожалованы дары. Кроме того, отдельные события упоминаются также в литургических произведениях западно-жоуского времени: песенных («гимнах») и прозаических («писаниях»), а также в исполнявшихся во время торжественных церемоний «одах».

Зримый для историка вид историописание обретает в западно-жоуский период, когда в древней Восточной Азии как «двудеином регионе» распространяется «чжоуская политическая культура»: в царствах бассейна Хуанхэ — по содержанию, в царствах бассейна

²⁹ Основным носителем текста в Восточной Азии в первой половине III — первой половине II тыс. до н.э. являлась поверхность керамических сосудов (подготовленная в виде остраков или непосредственно сосуды). Так, для ритуальных целей использовалась скрытая от глаз поверхность доньев парадных чаш, для хозяйственных — открытые поверхности тулова, плечиков, горла и ободка венчика. В период Шан с середины XIII до XI в. до н.э. создаются гадательные (и не только) надписи на панцирях черепах и костях животных, в XI в. до н.э. появляются и надписи на бронзовых ритуальных изделиях, которые сохраняются всё последующее время до создания первой империи в III в. до н.э. Первые надписи на камне и нефрите датируются началом V в. до н.э. (клятвы из Хоума), первые известные тексты на бамбуковых планках и деревянных дощечках — концом V в. до н.э.

Янцзы — по форме³⁰. При этом в государствах и бассейна Хуанхэ, и бассейна Янцзы оно складывалось как часть культа предков правящей династии. В надписях на бронзовых сосудах времен Западной Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) встречаются примеры сравнительно сложных форм сохранения памяти о прошлом, например в виде хвалебной характеристики нескольких последовательно правивших государей³¹.

Многие из этих записей датированы, а порой содержат и указание места действия. Однако упомянутые деяния и события, составляя их смысловое ядро, были обрамлены привычным ритуально обусловленным контекстом. Таким образом, всё это еще не предполагало регулярного записывания событий и деяний, поэтому не может быть названо историописанием, а может считаться формами сохранения исторической памяти, на основе которых и вызревала идея историописания. Когда и при каких обстоятельствах возникает потребность **регулярной записи** событий — большая теоретическая проблема. Очевидно, что актуальным это становится тогда, когда институты государственности и политическая культура достигают достаточно зрелого уровня.

4. По мере **развития государственности** и усложнения религиозно-церемониальной стороны функционирования высшей вла-

³⁰ См.: *Ульянов М.Ю.* «Бамбуковые анналы» (древний текст) и сведения о политической культуре Китая (VIII–III вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф. М., 2007. Кн. 1.

³¹ В надписи на сосуде времен правления Гун-вана 恭王 (927–907 гг. до н.э.) *Ши Цян пань* (284 иероглифа), который был обнаружен в 1976 г. на западе долины р. Вэй (уезд Фуфэн), содержится придворно-панегирическая характеристика правлений первых семи *ванов* Западного Чжоу. Перевод этой надписи на русский язык был выполнен В.М. Крюковым. Приведем начало надписи: «Сказано: в древности Вэнь-ван впервые внес гармонию в управление. Верховный владыка ниспослал [ему] великую опору совершенного *дэ* (благодати), и Вэнь-ван объят прокровительством верхи и низы, сплотил воедино десять тысяч стран. Могуч и грозен был У-ван, он покорил четыре стороны света, низверг Инь и возглавил народ. Навеки лишенный страха перед враждебными племенами. О, многих и поработил он в своих походах. Прозорлив и совершенномудр был Чэн-ван, окружив себя решительными и непреклонными, он начал обулаивать державу Чжоу. Глубок и проникновенен был Кан-ван, он упорядочил управление и установил мир на границах. Величав и дарообилен был Чжао-ван, он подчинил своей воле Чу и Цзин, далеко проложив путь на юг. Благочестив и зримо явлен был Му-ван. Подражая [древним образцам], он осуществил возвышенные замыслы, позволив [наследнику] — [нынешнему] Сыну Неба (Гун-вану) — воцариться в покое...» (*Крюков В.М.* Текст и ритуал: опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000. С. 255–258).

сти, ведение списков правителей и их родственников, а также записи отдельных событий, которые не составляли единой системы, уже не могли удовлетворять растущим потребностям. Шел поиск форм письменной фиксации не только отдельных, но и всех важнейших деяний правителей, каждое из которых воспринималось как сакрально значимое³². В результате возникла такая ранняя форма официального историописания, как «**анналы**» — краткие годовые записи основных деяний правителей и произошедших событий. Они велись в соответствии со строгими нормами в храме предков правителей историографами *даши* 大史, которые происходили из жреческой среды и долгое время сохраняли тесную связь с ней. «Анналы» еще не имели вида «книги» — планки прикреплялись одна к другой по мере их заполнения; они хранились в храме и воспринимались первоначально как атрибут храма, а не дворца.

В процессе переписывания «анналов» нескольких правлений, в результате сокращений или добавлений сведений из других источников возникали и более развернутые и менее сакрализованные произведения — «**хроники**». Их записи также были краткими, но тематический репертуар был шире. Их написание было обусловлено не столько ритуальными нормами, сколько политическими обстоятельствами. Поэтому они имели очевидное идеологическое наполнение, но оно было еще не ярко выражено, о нем нельзя узнать просто из прочтения текста, необходим специальный анализ содержания.

С наибольшей степенью достоверности об «анналах» можно говорить с начала периода Западное Чжоу, а о «хрониках» — с конца периода Западное Чжоу и начала периода Чуньцю. В дальнейшем ведение «анналов» сохранялось в качестве основной формы историописания, но за пределами храма предков и в других царствах они становились известными именно в виде «хроник». Если текст «анналов» был неприкосновенен, то «хроники», напротив, могли и в определенной степени должны были перерабатываться в зависимости от задач, которые ставились в той или иной культурной среде. Таким образом, «анналы» и «хроники» — это не столько два этапа, сколько две формы существования официально-

³² Следы ранних форм историописания, на наш взгляд, сохранились в начале глав раздела *Шицзя* («Наследственные дома») в труде Сыма Цяня «Исторические записки», описывающих время до начала Чуньцю [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). М., 1987. Т. 5].

го историописания в Древнем Китае периодов Западное Чжоу — Чжаньго (1027–221 гг. до н.э.)³³.

5. «Анналы» и «хроники» не содержали развернутых текстов повествовательного характера. Диалоги и речи, произнесенные при дворе во время обсуждения государственных дел, которые в той или иной форме записывались в период Чуньцю, хранились и использовались отдельно. Если в период Западное Чжоу речи, на основе которых будут составлены «писания» (*шу*), записывались и оглашались в храме, то в этот период их записывали и использовали в иной культурной среде — при дворе.

Со временем неизбежно возникала потребность в более детализированных текстах. Во многих странах таковыми стали «**летописи**» — развернутые исторические произведения, создававшиеся на основе источников разных жанров. «Летописи» возникают в новых исторических и культурных условиях из потребности упорядочить и развить сообщения «анналов» и «хроник». Если те только называли события, то «летописи» их раскрывали. Они составлялись и переписывались по политическому заказу, поэтому имеют ярко выраженное идеологическое наполнение — для «летописей» характерно стремление авторов, осмысляя события прошлого, решать актуальные для своего времени политические задачи: обосновывать право той или иной династии на власть, того или иного народа на занимаемые им земли и т.п. Всё это позволяет изучать их как памятники исторической мысли.

Создание «летописей» носило долговременный и поэтапный характер. По нашим представлениям, им предшествовал происходивший в различных культурных средах процесс создания исторических произведений различных жанров, которые в своей совокупности образовывали «**летописные материалы**»³⁴. Возможности для их появления в Китае сложились где-то к рубежу V–IV вв. до н.э., в период Чжаньго, когда возникли условия для создания «книги» —

³³ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). М., 2001. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. С. 592. Ср. сводку мнений о соотношении понятий «анналы» и «хроники» в применении к средневековому европейскому историописанию: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 69–85.

³⁴ Подробнее об этом историографическом явлении см.: *Ульянов М.Ю.* Структура «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзоцзюань* («Комментарий Цзо к Чуньцю»): соотношение «исторического» и «канонического» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб., 2014.

удобного носителя информации в виде связки достаточно большого числа бамбуковых планок³⁵.

Но «летописи» как таковые, на наш взгляд, в Восточной Азии так и не возникли. В 221 г. до н.э. социально-экономическому развитию в условиях политического и культурного полицентризма, способствовавшего невиданному ранее расцвету культуры, был положен конец. Циньское завоевание, десятилетие всеобъемлющих преобразований, направленных на унификацию культуры Поднебесной, а затем семилетняя гражданская война за циньское наследие (209–202 гг. до н.э.) были сопряжены со значительными утратами культурных ценностей и сужением культурной среды. Судя по текстам историй отдельных царств, которые сохранены в разделе *Шицзя* («Наследственные дома») сочинения *Шицзи* («Исторические записки») Сыма Цяня, в западноханьское время (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) были известны не «летописи» царств предыдущей эпохи, а именно «летописные материалы», т.е. подобранные по правлениям упоминания отдельных событий периодов Чуньцю и Чжаньго и более или менее детализированные описания некоторых из них.

Исчезновение отдельных царств и рождение империи уже в начале Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) поставило перед историографами новой эпохи совершенно новые задачи — создание имперской истории, единицей которой было бы правление одного носителя высшей власти и описывался бы политический процесс, протекавший в одном общеимперском центре. В этих условиях лучшее, что могли сделать придворные историографы, — опираясь на «летописные материалы», написать «истории» царств, но никак не «летописи». Благодаря этому сохранившиеся в главах раздела *Шицзя* «истории» явно неполны. Так, значимые для истории царства события часто только называются, но не описываются; между отдельными событиями зачастую имеются значительные временные лакуны. Более того, многие правления, особенно кратковременные, никак не детализированы. И напротив, заметно, что составлявшие эти тексты историографы решали важные для их эпохи задачи: в основном — синхронизировали события, произошедшие в разных

³⁵ Хотя они были громоздки, но, тем не менее, предоставляли возможность для записи текстов больших объемов. Их значительное преимущество заключалось и в том, что они позволяли разнообразить формы размещения развернутых текстов и даже иллюстраций в пространстве (см.: *Целуйко М.С.* Особенности нелинейной структуры древнекитайских эпиграфических текстов из могилы в Шуйхуди // ВЭ. М., 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 175–176, 201–205).

царствах, а также обосновывали некоторые идеи, например об исторической целесообразности ограничения власти государя.

К началу I в. до н.э. уцелевший после многих лет забвения и свеженный в столицу книжный фонд (точнее, то, что от него осталось) царств Чжаньго начал истлевать. Задача сохранения и передачи хотя бы его части была поставлена на рубеже нашей эры, когда шла борьба родственников династии по женской линии из рода Ван за высшую власть. Тогда буквально одним рывком в рамках государственного проекта этот корпус текстов был переработан, переписан и получил известный сейчас вид. Вскоре после этого была изобретена бумага и начался постепенный переход к записям на новом носителе³⁶. А всё, что не было переписано, оказалось утеряно. К счастью, многочисленные эпиграфические находки XX в. позволили составить представление о книжном репертуаре эпохи Чжаньго и получить тексты многих утраченных ранее произведений и документов.

Такова общая модель протекания процесса сохранения исторической памяти в древней Восточной Азии. Далее более подробно рассмотрим ситуацию периода Чуньцю.

ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» И ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ (771–453 ГГ. ДО Н.Э.)

...ту же историю можно изучать
с ее «невидимой», внутренней стороны, т.е. как процесс,
обусловленный системными связями историографии
с данным типом культуры,
в частности с ее мировоззренческой сутью.

*М.А. Барг*³⁷

Изучение состава письменных произведений периода Чуньцю имеет особое значение, поскольку это своего рода переходный этап между периодом Западное Чжоу, когда основные типы письменных текстов исторического характера представлены только эпиграфи-

³⁶ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 100; *Меньшиков Л.Н.* Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. // *Рукописная книга в культуре народов Востока.* М., 1988. Кн. 2. С. 103–108.

³⁷ *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 6.

кой (надписями на бронзовых изделиях ритуального назначения) и периодом Чжаньго, для которого характерен значительный массив письменных произведений различных жанров, постоянно расширяющийся за счет новообнаруженных эпиграфических памятников. Соответственно, в период Чуньцю происходит переход традиции письменной фиксации на новый качественный уровень.

В это время память о прошлом сохранялась в устной и письменной формах. Репертуар письменных произведений, кроме специализированных исторических сочинений, во многом воспроизводил набор хранившихся в памяти и передававшихся устно. Число записываемых произведений было несоизмеримо меньше³⁸. Они создавались в отдельных *культурных средах*. Под *культурной средой* будем понимать **характерную для определенной эпохи устойчивую совокупность социально-значимых институтов, объединенных общими идеями и ценностями**. Разнообразные «культурные среды» формируют общее «культурное пространство». Именно в них возникали условия для порождения, воспроизводства, сохранения и передачи важнейших достижений культуры, в том числе устных и письменных произведений. В рассматриваемое время письменные произведения создавались в *храмовой* и *дворцовой*, а устные — еще и в *общинной* культурной среде³⁹. Характеризуя их, будем учитывать место их расположения, социальный охват, жанровое разнообразие и социальное положение их создателей.

В период Чуньцю обе культурные среды были связаны с центральной властью и располагались в столичном центре. Носитель высшей власти и его двор размещались на территории дворцового комплекса, в состав которого входили и дворцовые, и культовые сооружения. Дворцовый комплекс включал сооружения, в которых проходили придворные церемонии (аудиенции, пиры и пр.),

³⁸ Рассмотрению соотношения письменных произведений и текстов, передаваемых устно, посвящена статья Л.Д. Позднеевой: *Позднеева Л.Д.* К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // *Позднеева Л.Д.* История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011. С. 19–22.

³⁹ Ниже не будем рассматривать «общину» — культурную среду за пределами столичного центра, поскольку в тот период в ней не возникали письменные произведения и память о прошлом в ней сохранялась исключительно в устной форме.

В настоящее время понятие «культурная среда» широко используется специалистами по маркетингу, дизайну и т.п. В культурологическом контексте понятие «культурная среда» было рассмотрено А.Я. Флиером: *Флиер А.Я.* Избранные работы по теории культуры. М., 2014. Мы попытались наполнить его историческим содержанием и адаптировать его к изучению Древности.

размещались канцелярские и хозяйственные службы, а также и те, в которых располагались покои членов царской семьи, обслуживающего персонала. В некоторых царствах к ним очень близко примыкали дворцы представителей наиболее влиятельных родов (царство Цзинь). Культовые сооружения располагались по соседству с ними. Основным был храм почитания духа родоначальника династической ветви — первого правителя владения, на основе которого возникло царство. Были и отдельные, специализированные храмы и алтари⁴⁰.

Рассматривая порождаемые в этих средах произведения, будем учитывать, что *перенос устных и письменных произведений из одной культурной среды в другую приводил к их трансформации*. В частности, при записи устных произведений, а также при копировании письменных сочинений неизбежно видоизменялись их содержание, структура и лексика. При этом устные сочинения, обретая определенные признаки времени записи, всё же сохраняли основные черты времени создания.

В этих средах составлялся и сохранялся основной массив письменных текстов, поэтому здесь возникли и специализированные хранилища: храмовые «депозитарии», придворные «книгохранилища» и «архивы» придворной канцелярии, а также «библиотеки». Благодаря им тексты сохранялись и передавались из поколения в поколение. Частные собрания, вероятнее всего, начали возникать только в период Чжаньго.

Уже в начале периода Чуньцю основные задачи представителей двух названных культурных сред различались довольно четко. В *Цзочжуань* ([020601], 706 г. до н.э.) указывается, что правитель действовал (*дун* 動) в первую очередь в сфере «управления» (*чжэн* 政), а жрецы — в сфере «веры» (*синь* 信)⁴¹. Тем не менее, поскольку

⁴⁰ Основной храм имел общее типовое название *таймяо* 太廟, например, в царстве Лу так назывался храм предка правителя царства Чжоу-гуна. Он мог иметь свое индивидуальное название, например главный храм почитания духа основателя династии правителей царства Чжэн (*таймяо*) назывался Дагун 大宮 (букв. Великий дворец). Кроме того были храмы поминания духов отдельных правителей (одного или нескольких), которые имели общее типовое название *цзунмяо* 宗廟. Они тоже могли иметь свое название. Например, в столице царства Цзинь располагался храм Угун 武宮 — поминальный храм У-гуна (715–677 гг. до н.э.), в котором проходила часть церемонии возведения на престол правителей Цзинь.

⁴¹ Здесь и далее в квадратных скобках указан номер фразы *Чуньцю*: первые две цифры — номер главы; вторые две — номер года правления *гуна* царства Лу; третьи две — номер сообщения *Чуньцю*, с которым сопряжен текст данного

ку правитель в рамках основного государственного культа поклонения духам предков династии исполнял жреческие обязанности, дворец не был отделен или значительно противопоставлен храму. Эти две среды настолько плотно соприкасались, что можно говорить о специфической «храмово-дворцовой» субсреде. В ней-то, на наш взгляд, и функционировали историографы *даши* (отчасти и жрецы *ши* — интерпретаторы гаданий), одна из задач которых заключалась в ведении важнейших письменных сочинений официального историописания — «анналов»; соответственно, именно в ней они составлялись и сохранялись.

ХРАМОВО-ДВОРЦОВАЯ СУБСРЕДА

1. Официальное историописание: «анналы»

«Анналы» — произведения *официального* историописания, которые велись в течение правления одного государя. Они содержали первичные записи, выполненные сразу после завершения того или иного события, которые имели форму простого предложения с указанием времени и места. «Анналы» не несли в себе идей, связанных с осмыслением результатов правления, поскольку на момент записей оно еще не завершилось. Однако в них была заложена возможность их осмысления в будущем, поскольку одновременно фиксировались аномальные явления природы и стихийные бедствия, которые могли рассматриваться как знамения.

«Анналы» представлены как в виде отдельных текстов, так и в виде упоминаний в составе различных произведений. Фрагменты «анналов» сохранились в составе «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань*, в различных главах «Исторических записок» Сыма Цяня, особенно разделов *бэньцзи* («Основные записи»): главы 4–6, посвященные Западному Чжоу и Цинь, а также *шицзя* («Наследственные дома») — глав по истории различных царств⁴². В форме, наиболее близкой к изначальной, на наш взгляд, они сохранились в реконструированном памятнике эпохи Чжаньго

сообщения *Цзочжуань*: Чуньцю Цзочжуань чжу («Вёсны и осени» и «Комментарий Цзо» со сводными комментариями) / Коммент. Ян Бо-цзюня. Пекин, 2000. Т. 1. С. 11–12; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 107–108.

⁴² *Ульянов М.Ю.* Текстологические аспекты. С. 48–50. Первая из известных нам попыток выявить в «комментирующем комплексе» *Цзочжуань* «анналы» была предпринята Б. Блэйкли: *Blakeley B.B.* «On the authenticity». P. 221–222.

Лу бэнь Чжу шу цзи нянь («Бамбуковые анналы. Древний текст») в разделе 6 (история царства Вэй 魏 периода Чжаньго)⁴³. Кроме того к «анналам» может быть отнесена бóльшая часть текста эпитафического памятника *Бянь нянь цзи* («Погодовые записи»), содержащая выписки из «анналов» царства Цинь, сделанных чиновником по фамилии Си (завершается 217 г. до н.э.)⁴⁴.

«Анналы» возникли в рамках культа предков и являлись одной из важнейших его составляющих. Они появились тогда, когда возникла необходимость регулярно фиксировать наиболее значимые деяния правителя и реакцию Неба на них⁴⁵. По-видимому, традиция ведения «анналов» оформилась в течение периода Западное Чжоу. Благодаря им стала возможна фиксация всех важнейших *деяний* носителей высшей власти и представителей высшей знати, а также *событий* — сведений о произошедшем в политической, реже — в социальной и экономической сферах жизни, а также о

⁴³ Первая реконструкция «Древнего текста», которая может быть названа научной, была предпринята еще Чжу Ю-цэном в первой половине XIX в., затем в XX в. Ван Го-вэем (1917 г.), Фань Сян-юном (1956 г.), Фан Ши-мином и Ван Сю-лином (1981 г.). Эти подходы были учтены и развиты в нашей работе 2005 г., в ней же рассказано об истории памятника (нахождении, утрате, реконструкции). См.: Бамбуковые анналы. С. 8–17, 117–138. Отметим, что фрагменты памятника далеко не всегда сохранялись именно в виде точных цитат, исследование показало, что это могли быть и «извлечения» пяти видов: компиляция, неточное цитирование, пересказ, перечисление, упоминание. См.: Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты. С. 74–75.

О царстве Вэй, крупнейшем царстве периода Чжаньго на Великой равнине, см.: Халтурина П.В. Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цинь // ОГК-ХLI. 2011; *Она же*. Основные этапы формирования земель царств Вэй, Хань, Чжао и их завоевания Цинь в период Чжаньго: опыт картографического исследования // ОГК-ХLII. 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 6, т. 1).

⁴⁴ В этом сочинении всего 87 сообщений, из них 69 восходят к «анналам» Цинь, а 18 имеют отношение к роду автора, который отмечает рождение своих детей (?), смерть отца и матери и др. Очевидно, это не полный текст «анналов» Цинь, а выписки из них с упором на военные победы царства. См.: Целуйко М.С. Циньские эпитафические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н.э.) // ВЭ. 2011. Вып. 5.

⁴⁵ А.М. Карапетьянц поставил важный вопрос, кому предназначались годовые записи. Он полагал, что это была «передача информации в потусторонний мир» и что фиксировались события, «заслуживающие сообщения духам». Отсюда его вывод о том, что историографы «преследовали цели жизнеобеспечения культурного организма, а не подobaющей летописцу точности фиксации информации» (Карапетьянц А.М. У истоков. С. 438–439). Соглашаясь с первой частью его заключения, мы не можем согласиться со второй. На наш взгляд, одно не исключает другого, их нельзя противопоставлять друг другу.

различных природных явлениях, имевших место накануне и после этих деяний и воспринимавшихся в качестве знамений — беспристрастной реакции на эти деяния высших сил. Всё записанное в «анналах» и рассматривались как проявление взаимодействия носителя высшей власти с высшими силами. Поэтому «анналы», обладая повышенной сакральной значимостью, составлялись и сохранялись в храмовой среде. Но поскольку их основным действующим лицом был правитель, они принадлежали и к дворцовой культурной среде.

В течение периода Западное Чжоу такие записи стали неизменным атрибутом высшей власти и в домене, и в отдельных владениях бассейна Хуанхэ, в которых правили члены династии Цзи⁴⁶. Известно, что в IX в. до н.э. домен мог передать право вести «анналы» и государям неродственных владений в качестве подтверждения легитимности их власти. Так, согласно сообщению *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст») в период Западное Чжоу право ведения «анналов», точнее «погодовых записей поколений [правителей]» (*няньши чжи цзи 年世之紀*), вместе с чжоуской системой календарного счета в качестве атрибута высшей власти было передано правителю расположенного к западу от чжоуского домена «буферного» владения Цинь — Цинь-чжуну (?–882 г. до н.э.)⁴⁷. В период Чуньцю «анналы» являлись одним из основных атрибутов суверенитета царства.

После смерти правителя «анналы», как предписывали нормы культа предков, сохранялись и, видимо, переписывались. Пока сложно сказать, образовывали ли «анналы» нескольких правлений единый труд или хранились отдельно. «Анналы» начинались с того правления, с которого начали вести записи. Однако по прошествии времени, после смены нескольких правлений, особенно если имела место политическая борьба за высшую власть, на их основе в результате определенных коррекций могли возникнуть более содержательные и менее сакрализованные сочинения, которые будем называть «хрониками».

⁴⁶ Лю Гуаньюй. Шан Чжоу цзянь цэ као ши (Исследование *цзянь* и *цэ* в периоды Шан и Чжоу) // Цзинань дасюэ сюэбао (шэхуй кэсюэбао). 2010. № 5. С. 41–42, 51–54. О самой династии Цзи см.: Pulleyblank E. Ji 姬 and Jiang 姜: the role of exogamic clans in the organization of the Zhou polity // Early China. 2000. Vol. 25.

⁴⁷ Бамбуковые анналы. С. 114–116.

2. Основные участники процесса сохранения исторической памяти: историографы *даши*⁴⁸

Ведение официальных «анналов» царства являлось основной обязанностью историографа *даши*. Эта должность существовала и в чжоуском домене, и при дворах правителей царств. Согласно одному из сообщений *Цзочжуань* ([092502], 548 г. до н.э.) в ряде царств (например, Ци) историографы *даши* не просто принадлежали к одному роду, а были братьями, и в случае гибели старшего брата запись в «анналах» оставлял младший. Если же были убиты все *даши*, то правом выполнить запись наделялся *наньши* 南史⁴⁹. К началу периода Чуньцю историографы не были окончательно отделены от жречества, но и не являлись чиновниками, а относились к специфической храмово-дворцовой культурной субсреде⁵⁰.

Обязанности, связанные с сохранением исторической памяти

1) Именно на *даши* возлагалась задача ведения погодных записей текущего правления — они осуществляли письменную фиксацию деяний правителей и важнейших событий.

2) Согласно сообщению *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.), *даши* являлись хранителями особо важных письменных произведений. Например, исторических: *Чуньцю* 春秋 («Вёсны и осени»), и мантических: *И* 易 («Перемены»), *Сян* 象 («Образы»)⁵¹.

3) На историографов была возложена задача сохранения в своей памяти знаний о прошлом. При случае они могли привести сведения из «реальной истории», которые относились как к сравнительно недавнему прошлому, так и к отстоящему на сотни лет. Кроме того, они были знатоками «священной истории». Ярким примером тому является содержание речи луского историографа по фамилии Кэ 克, произнесенной им в присутствии правителя царства Лу (*Цзочжуань* [061809], 609 г. до н.э.). В ней он сначала припомнил деяния недавно умершего высокопоставленного вельможи Цзан

⁴⁸ Подробнее о функциях историографов *даши* говорится в нашей отдельной работе: *Ульянов М.Ю.* «Историографы» *даши*.

⁴⁹ Чуньцю *Цзочжуань* чжу. С. 1099.

⁵⁰ Поэтому понятие *шигуань* 史官 (букв. историки-чиновники), которое часто используется в китайской научной литературе, не является строгим научным термином и может ввести в заблуждение. Речь всякий раз идет не о чиновниках как таковых, а о разных категориях служащих — или храмовых, или дворцовых, чьи функции еще далеко не всегда были специализированы.

⁵¹ Чуньцю *Цзочжуань* чжу. С. 1226.

Вэнь-чжуна 藏文仲 (?–614 гг. до н.э.)⁵². Затем упомянул слова Чжоу-гуна — регента при втором западночжоуском правителе (конец XI в. до н.э.)⁵³. После этого привел многочисленные сведения мифологического характера с генеалогическим уклоном — перечислил мифических персонажей разных поколений и их потомков. В частности, он упомянул божества первого поколения: Хуан-ди (Желтого императора, он назван *ди* Хуном 帝鴻), Шао-хао 少皞 (сына Хуан-ди), Гао Яна 高陽 (внука Хуан-ди, он же — Чжуань-сюй 顓頊), Гао Синя 高辛 (правнука Хуан-ди, он же — Ди Ку 帝嚳), и перечислил их сыновей (всего 19), а также назвал двух божеств следующего поколения: Яо 堯 и Шуня 舜⁵⁴. Из этой речи видно, что историографы *даши* не только воспроизводили исторические факты, но и формулировали исторический урок.

Обязанности, связанные с организацией религиозных церемоний⁵⁵

Даши оказывали консультации в проведении церемоний, но сами их не проводили.

1) Историографы *даши* являлись знатоками правил и порядка осуществления религиозных церемоний, которые проводились в течение года и были либо приурочены к определенным календарным датам, либо связаны с регулярными астрономическими явлениями (солнцестояние, новолуние), о которых узнают в результате наблюдений. В *Цзочжунь* ([101702], 525 г. до н.э., царство Лу) есть одно очень важное сообщение, из которого ясно, что, когда главный жрец *чжуши* должен был уточнить характер жертвоприношений, тогда вопрос сначала был обращен правителю царства, но тот переадресовал его историографу *даши*. Последний, обладая необходимыми познаниями, перечислил церемонии, которые соответствуют особенностям положения солнца на небосводе, и определил, какой из трех видов жертвоприношений подходит к данной

⁵² Там же. С. 633.

⁵³ Там же. С. 633–635.

⁵⁴ Там же. С. 636–639. Содержащиеся в этой речи мифические представления отражают взгляды именно VII в. до н.э. и отличаются от сформировавшейся позднее конфуцианской традиции. Например, образ Яо, как и в «хронике» царства Цзинь *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы». Древний текст), в этой речи обладал отрицательными коннотациями. См.: Бамбуковые анналы. С. 103.

⁵⁵ О них подробнее см.: Ульянов М.Ю. О религиозных церемониях в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжунь* // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.

ситуации: именно ценными предметами, а не животными или пищей. В завершение *даши* привел высказывание из произведения особой сакральной значимости: *Сяшу* («Писания [времен] Ся») — сейчас так называется раздел *Шуцзина* («Канона [исторических] писаний»)⁵⁶.

Здесь уместно заметить, что в научной литературе устоялось мнение, согласно которому историографы *даши* якобы были еще и астрологами. Действительно, как мы увидели выше, проведение религиозных церемоний, которые обсуждались при участии *даши*, предполагало знания о положении небесных светил и знакомство с астрологией, но как *даши* узнавали об их положении, путем личного наблюдения или по уже выполненным расчетам, в источниках не конкретизируется. Однако в *Цзочжуань* ([021708], 695 г. до н.э.) читаем: «„Зима. Десятый месяц. Новолуние. Солнечное затмение“ — в [день *Чуньцю*] не записан. Пропущено *жигуанем* 日官». Крайне важна следующая часть этого сообщения, в которой говорится о том, кто это мог быть, и упоминаются две *придворные* должности специалистов-астрологов:

У Сына Неба есть *жигуань*, у правителей царств (*чжухоу*) есть *жиюй* 日御. *Жигуань* занимает положение вельможи *цин*, определяет нахождение солнца — таково требование норм ритуала. *Жиюй* не пропускает дни, на аудиенции предоставляет [календарные расчеты] всем чиновникам⁵⁷.

Соответственно, это и были те люди, чья деятельность связана с наблюдениями за движением Солнца, Луны и других светил. Никаких оснований для отождествления *жигуаня* при дворе чжоуского *вана* и *жиюя* при дворах правителей царств с историографами *даши* нет. Здесь специально оговаривается высокое положение *жигуаня* — такая должность была только при чжоуском дворе и по своему статусу он относился к числу обладателей высшего придворного ранга *цин*. Следовательно, здесь указывается еще и на то, что астролог — это не храмовая, а дворцовая должность — иными словами, историограф и астрологи к тому же принадлежали к различным культурным средам.

Если это так, то именно астрологи *жигуань* и *жиюй* занимались календарными расчетами и присваивали порядковый номер дням

⁵⁶ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1386–1387.

⁵⁷ Там же. С. 149–150; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 127.

по системе сочетания 10 и 12 циклических знаков, в соответствии с которыми в чжоуском домене, в царствах и во владениях внутри них проводились различные церемонии⁵⁸. *Даши* же, являясь носителями и хранителями разнообразных знаний и навыков, могли проинтерпретировать конкретную астрологическую ситуацию и указать должные для нее церемонии, воспользовавшись уже готовыми результатами астрологических наблюдений.

2) К историографам *даши* обращались за консультацией в случае знамений, чтобы узнать об их причине и значении, а также о том, какие религиозные церемонии в сложившейся ситуации следует проводить. В *Цзочжуань* и в *Шицзи* (гл. 40 «Наследственный дом царства Чу») сохранился рассказ о том, что правитель царства Чу, расположенного на Средней Янцзы, Чжао-ван (515–488 гг. до н.э.), увидевший насторожившее его знамение, обратился к историографу *даши* чжоуского домена с просьбой объяснить причины знамения и дать рекомендации о том, что делать. В *Цзочжуань* ([120606], 489 г. до н.э.) читаем:

В тот год облака приняли форму стайки красных птиц и кружили вокруг солнца в течение трех дней. *Цзы* [царства] Чу направил расспросить об этом к историографу *даши* в Чжоу. Чжоуский историограф *даши* сказал: «Дело должно быть в самом *ване*! Но если совершить молебен об отвращении зла, то его (зло) можно будет переложить на первого министра (*линъиня*) и главнокомандующего (*сыма*)...»⁵⁹

Чжоуский историограф не просто проинтерпретировал знамение как несущее зло правителю царства Чу, но дал рекомендацию, связанную с характером жертвоприношений и содержанием обращения к духам. Он, в частности, посоветовал принести жертвы духу реки Хуанхэ. Но чуский правитель, ознакомившись с его рекомендациями, приносить эти жертвы отказался, напомнив о том, что

⁵⁸ В царствах периода Чуньцю использовались различные календари. В одних, в том числе в Лу, использовался календарь, который велся в чжоуском домене при дворе *вана*, в других в ходу были местные календари. Например, в надписях на бронзовых изделиях встречаются такие фразы: *Дэн ба юэ* 鄧八月 («Восьмой месяц [по календарю царства] Дэн»). Основное расхождение заключалось в том, с какого месяца начинался новый год. См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 5–6.

⁵⁹ Там же. С. 1635–1636. Этот же нарратив в *Шицзи* (глава 40 «Наследственный дом царства Чу») приведен в несколько ином виде. В нем рекомендация звучит так: «Это сулит беду Вам, чуский *ван*, но ее можно переложить на главнокомандующего или первого министра» [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 199–200].

чусцы приносят жертвы духам своих рек (Янцзы, Хуайхэ, Чжанцзян и др.).

3) Зная порядок проведения религиозных церемоний, историограф мог оценить правильность их выполнения. В частности, в *Цзочжуань* ([122401], 471 г. до н.э.) историограф царства Цзинь поблагодарил вельможу за то, что тот во время отсутствия правителя в царстве принес в жертву быка в точном соответствии со всеми правилами⁶⁰.

Обязанности, связанные со службой при дворе

1) *Даши* поручались ответственные миссии протокольного характера. Они могли по заданию государя направляться в качестве послов в различные владения своего царства или в соседние царства. Согласно сообщению *Цзочжуань*, в 543 г. до н.э. *даши* царства Чжэн был направлен правителем, чтобы передать указ о присуждении представителю одного из знатных родов высшего ранга *цин*. А в 484 г. до н.э. историограф из царства Лу был направлен в соседнее царство Ци с посланием своего государя. Визит *даши*, очевидно, был призван подчеркнуть значимость и торжественность послания, поскольку в первом случае надо было сообщить о пожаловании ранга, который вводил представителя знати в круг высших управленцев царства, а во втором — доставить голову убитого представителя знатного рода и личное письмо.

2) В ряде царств *даши* имели доверительные отношения с государями и входили в их ближайшее окружение. Они могли помочь правителю избежать необдуманного поступка. В *Цзочжуань* ([121404], 481 г. до н.э.) о событиях в царстве Ци читаем:

Гун вместе с супругой пили вино на террасе Таньтай. Чэн-цзы пожелал перевести их во внутренние покои. Гун [царства Ци], взяв клевец, готов был нанести ему удар. Историограф *даши* Цзы-юй сказал: «Он же не желает Вам плохого, а намеревается искоренить зло»⁶¹.

Тем самым находясь рядом *даши* смог предостеречь государя от нежелательных для него последствий этого спонтанного поступка.

Итак, положение историографов *даши* при дворе было очень высоким. Некоторые из них принадлежали к знатым и влиятельным

⁶⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1722.

⁶¹ Там же. С. 1685; *Сьма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 62.

родам, некоторые занимали эти должности наследственно⁶². Впрочем, судя по всему, статус *даши* определялся не столько занимаемой должностью, которая в придворной иерархии не относилась к числу наивысших, сколько посредническим положением между двумя культурными средами — храмовой и дворцовой. А обязанности *даши* далеко не ограничивались ведением «анналов».

3. Порядок и нормы ведения «анналов»⁶³

В период Чуньцю порядок выполнения записи в «анналах», место и время ее совершения, материал, на который она наносилась, ее расположение, а также язык и стиль, — всё это строго регламентировалось. В тексте комментирующего комплекса *Цзочжуань* упомянуты некоторые из этих норм.

Сообщения «анналов» наносились (*шу* 書) на специально подготовленные бамбуковые (или деревянные?) планки (*цзянь* 簡), которые после этого называли *це* 策. Их соединяли шнурами в связки *цэ* 冊 или *дянь* 典; в совокупности они образовывали «комплекты планок» или то, что может быть названо «книгой» (*пянь* 篇)⁶⁴. Процедура записи на дощечке произошедшего деяния и события осуществлялась историографом *даши* в храме почитания духов предков правителей правящей династии (*цзунмяо*). Насколько можно судить, эти планки с записями хранились в «хранилище хроник» (*цэфу* 策府)⁶⁵.

В «анналы» записывались сведения о деяниях правителя и представителей высшей знати своего и других царств, о важных событиях в своем царстве и в других. Судя по «Древнему тексту “Бамбуковых анналов”» записи касались прежде всего следующих тем: «история династии» (смерть или убийство правителя или чле-

⁶² Например, представители рода Дун 董 в царстве Цзинь (сообщение за 527 г. до н.э.) передавали должность *даши* по наследству. Их предок по имени Синью 辛有 еще в начале периода Чуньцю являлся *даши* при чжоуском Пин-ване. Именно как *даши* в сообщении 607 г. до н.э. упомянут Дун Ху — представитель этого рода в царстве Цзинь (см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1373).

⁶³ Составлению «анналов» была посвящена наша отдельная статья: Ульянов М.Ю. Данные Чуньцю Цзочжуань. Здесь же приведены основные сведения, а также некоторые новые данные, полученные после выхода этой статьи в свет.

⁶⁴ Васильев К.В. Ранняя история. С. 101; Карпентьянц А.М. У истоков. С. 435–437.

⁶⁵ Об этом известно по цитате из *Му тянь цзы чжуань* («Жизнеописания Сына Неба Му», глава 2), обнаруженного в погребении правителя царства Вэй периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.).

на правящего рода, возведение на престол), «военная история» (битвы между другими царствами, победы и поражения, нападения, захваты населенных пунктов), «внутренняя политика» (пожалование земли члену династии), «внешняя политика» (заключение политических союзов), «знамения» (необычные природные явления), «строительство» (возведение сооружений, стен вокруг поселений)⁶⁶. Характер фиксируемой в «анналах» информации, повидимому, существенно не расширился.

Выполнение записей могло носить рутинный, окказиональный и экстраординарный характер. Записи первого типа были связаны с фиксацией регулярных ритуально обусловленных деяний правителей и представителей знатных родов, приуроченных к фиксированным (заранее высчитываемым) датам; второго — с нерегулярными, но также ритуально обусловленными событиями, которые происходили в не установленное заранее время (отправление войска на войну, прибытие посольства и пр.); третьего — с чрезвычайными событиями (например, убийством правителя), а также аномальными природными явлениями (например, выпадением града летом) и стихийными бедствиями (засухами, наводнениями).

В *Цзочжуань* сохранились сообщения о том, как историографы *даши* осуществляли запись в «анналах», в некоторых из них приведены и сами записи.

Записи событий, связанных с правителем и их первыми супругами

Все деяния правителя были подчинены особым нормам (*фа* 法). В *Цзочжуань* ([032303], 671 г. до н.э.) сказано:

Государь не действует не по правилам! Деяния государя непременно записываются (*цзюнь цзюй би шу* 君舉必書); если запись сделана, а деяние не соответствует нормам (*фа* 法), то в будущем преемники как посмотрят на это?⁶⁷

Здесь говорится о том, что историографом *даши* независимо от воли государя должно было запечатлеваться каждое его деяние, совершенное и в соответствии с нормами, и вопреки им. В *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) содержится сообщение о том, как проходила одна из церемоний, завершившаяся осуществлением записи

⁶⁶ Бамбуковые анналы. С. 127–138.

⁶⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 226; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 157.

о деянии государя. Из него можно узнать, что возвращение правителя в свое царство (*фаньсин* 反行) со съезда, из военного похода и т.п. сопровождалось торжественным обрядом, который назывался «уведомлять [предков] в поминальном храме» (*гао юй мяо* 告于廟). Оно проводилось в храме предков правящей династии (*цзунмяо* 宗廟). Сначала правитель возносил молитву-обращение к духам предков; затем вместе с окружением выполнял обряд «испития вина» (*иньчжи* 飲至); после этого «устанавливал кубок» (*шэцзюэ* 舍爵). И наконец, в завершение всей этой церемонии на планках «анналов» историографом *даши* торжественно производилась «запись о заслугах» (*цэсюнь* 策勳), т.е. о самом деянии (съезде, военном походе и др.) и его результатах (заключении союза, победе, поражении и др.)⁶⁸.

Из источников можно узнать о том, какие нормы словоупотребления существовали для записей различной тематики. Ниже приведем сведения об этом.

Название носителей высшей власти. Особое внимание в языке «анналов» уделялось называнию правителей.

1. Правитель своего царства независимо от титула назывался *гуном* 公. Во всех других случаях для того, чтобы подчеркнуть, что объектом или субъектом является свое царство, употреблялось слово *во* 我 (наш). Например, в *Чуньцю Цзочжуань* ([052602]) записано: «Человек из [царства] Ци напал на наши западные окраины»⁶⁹. Упомянув жен правителей, использовали слово «супруга» (*фужэнь* 夫人) и указывали фамилию, например, «госпожа Цзянь» (*Цзянь ши* 姜氏), реже указывали одну фамилию без слова «госпожа». Если правитель являлся не объектом, а субъектом действия, то его называли «своим государем» (*ци цзюнь* 其君), в отдельных случаях могли также назвать и супругу правителя «госпожой-государыней» (*цзюньши* 君氏).

2. При перечислении правителей нескольких царств, например в качестве участников съезда или совместного похода, упоминался титул и название царства: «*цзы* [царства] Чу».

3. Если в «анналах» надо было упомянуть чжоуского *вана* или кого-либо из правителей царств, а они в то время носили траур, то их называли иначе, чем в обычной ситуации. В *Цзочжуань* ([050901], 651 г. до н.э.) читаем: «Всегда в дни траура [в анналах]

⁶⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 91; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 99.

⁶⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 437; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 253.

ван называется *сяотун* 小童 (букв. малое дитя), а *гун* и *хоу* — [титлом] *цзы* 子»⁷⁰.

4. Из *Цзочжуань* ([010702], 716 г. до н.э.; [052304], 637 г. до н.э.) можно узнать, что в сообщении о смерти правителя какого-либо царства упоминался его титул (например, «*хоу* [царства] Тэн»). В том случае, если он состоял в том же политическом союзе (*тун-мэн* 同盟), что и правитель царства, где велись «анналы», указывалось и личное имя⁷¹. Этого, видимо, требовали последующие обряды, которые проводились в царстве-союзнике и предполагали обращение во время жертвоприношений к его духу.

5. По-видимому, уже в «анналах» в отдельных случаях при упоминании деяний правителей других царств не упоминались ни титул, ни имя, а запись осуществлялась в форме: «человек [царства]...». Таково проявление специфического языка историописания, который станет типичным для «хроник». В *Чуньцю* ([040102], 661 г. до н.э.), например, читаем: «Человек [царства] Ци пришел на помощь [царству] Син»⁷².

О съездах правителей царств. В «анналах» фиксировалось участие правителя или сановника в съездах с правителями других царств, которые считались важнейшими из внешнеполитических событий, происходивших в течение года.

В *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) так поясняется требование к форме записи в «анналах» сообщения о месте проведения съезда:

Если на съезд отбывал [сам государь] или прибывал [правитель другого царства], то [в анналах] указывалось место [проведения съезда] – такова [запись] «деяния-уступки»⁷³. Когда на съезде были [представители] трех [царств] и более, тогда, если [государь] покидал [свое царство], то [в анналах] указывалось место [проведения съезда]; а если прибывали [государи других царств], то [в анналах] указывался [только факт проведения] съезда – такова [запись] «свершившегося деяния»⁷⁴.

⁷⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 325; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 200–201.

⁷¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 53–52, 404; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 82.

⁷² Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 170.

⁷³ *Жанши* 讓事 (уступать; деяние) – когда встречались правители двух царств, то обычно главенство кого-либо не подчеркивалось. Они как бы уступали его друг другу.

⁷⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 91; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 99–100. *Чэньши* 成事 (должное, завершившееся успехом; деяние). Если на съезде встречались три и более правителя, то тот из них, кто признавался всеми в качестве старшего, указывался первым.

Таким образом, краткая запись «анналов» давала возможность передать целый ряд нюансов, о которых не могло быть сказано напрямую. В рассмотренном случае это касалось числа участников и места проведения съезда — в царстве, в котором велись данные «анналы», или за его пределами.

Съезды и принесение клятв могли проводиться в разных населенных пунктах. В *Цзочжуань* объясняется, в каких случаях в «анналах» могло отсутствовать сообщение о месте проведения съезда. Если правитель царства опоздал к его открытию, указывалось только место принесения клятвы, которое не совпадало с местом проведения съезда (видимо, в том случае, если требовалась специальная жертвенная площадка). В *Цзочжуань* ([060708], 620 г. до н.э.) читаем:

Гун [царства Лу] прибыл позже, поэтому [в анналах] не указано, где проходил съезд. Всегда, когда [упоминался] съезд правителей царств (*чжухоу*) и [в анналах] не указано место, где проходил съезд, то это связано с поздним [приездом]. Если [какой-либо государь] прибыл позже, то [в анналах] не указывалось и [название] его царства — для того, чтобы избежать неточности⁷⁵.

О перемещении жен правителя. Супруги государей в «анналах» упоминались редко, в основном в контексте их перемещений из одного царства в другое. Поскольку браки между династиями, правившими в различных царствах, заключались из политических соображений, жены царей порой становились заложницами политической ситуации. И любое их перемещение также имело политическую подоплеку. Все нюансы и должен был отразить язык историописания.

В *Цзочжуань* ([032704], 667 г. до н.э.) говорится о нормах словоупотребления в сообщениях «анналов» о перемещении жен правителя между своим новым (супруга) и родным (отца) царством:

Вернулась в отчий дом (*зуй нин* 歸寧): всегда, когда дочь правителя царства (*чжухоу*) возвращается в отчий дом, [в анналах родного царства] говорится «прибыла» (*лай* 來), а если была изгнана из [дома свекра], то говорится — «прибыв, вернулась» (*лай зуй* 來歸). Когда супруга возвращается в отчий дом, то [в анналах царства супруга] говорится: «отправилась туда-то» (*жу мо* 如某), а если изгнали, то говорится «вернулась туда-то» (*зуй юй мо* 歸于某)⁷⁶.

⁷⁵ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 562.

⁷⁶ Там же. С. 236; Чуньцзо Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 161.

Здесь хорошо видно, насколько детальной была регламентация записей такого рода. Из них можно было узнать о том, о чем напрямую в тексте «анналов» сказать было нельзя — о характере прибытия женщины в родное царство: плановое посещение родственников или изгнание из царства мужа.

В то же время в «анналах» сведения о перемещениях супругов правителей других царств не записывали. Исключение могло быть сделано для жен чжоуского вана. В *Цзочжуань* ([020901], 703 г. до н.э.) читаем: «Из всех передвижений дочерей правителей царств [в анналах] производится запись только о [передвижениях] жен *вана*»⁷⁷.

О кончине. В сообщении о смерти правителя царства и его первой жены использовалось слово «почить» (*хун* 薨). Только о смерти чжоуских *ванов* говорилось «усоп» (*бэн* 崩). Применительно к представителям знати использовалось слово «скончаться» (*цзу* 卒); оно же упоминалось и в записях о кончине правителей других царств.

Записи деяний представителей высшей знати

«Анналы» предполагали фиксацию деяний не только носителей высшей власти, но и представителей знати. Это происходило, как правило (но не всегда!), в том случае, если на совершение этих деяний имелось официальное повеление (*мин* 命). Далеко не все деяния, которые совершались по повелению, записывались в «анналы», но и не все деяния, которые записывались в «анналы», совершались по повелению. В «анналах» обязательно фиксировались случаи применения по отношению к носителям высшей власти каких-либо форм насилия (высылка из царства, пленение и пр.), в том числе в «анналах» сохранялись сведения о самом тяжелом преступлении знати — убийстве государя. В *Цзочжуань* (а также в *Шицзи*, гл. 39) есть запись о таком чрезвычайном событии в царстве Цзинь. В 607 г. до н.э. Чжао Чуань, младший брат первого министра царства (и фактического соправителя) Чжао Дуня (Сюаньцзы), убил правителя царства Лин-гуна (620–607 гг. до н.э.). Но в «анналах» царства Цзинь в соответствии с нормами убийцей назван сам Чжао Дунь:

Цзиньский историограф *даши* [Дун Ху 董狐] записал (*шу* 書): «Чжао Дунь убил своего государя» (趙盾弑其君) – и показал эту

⁷⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 124; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 113.

запись при дворе. Сюань-цзы (Чжао Дунь) сказал: «Не было этого». Ответ звучал: «Вы являетесь первым министром (*чжэнцином*) и, бежав, не пересекли границ [своего царства], а вернувшись, не покаялись, не покаялись злоумышленников. Если не Вы, то кто же [виновен]»... Конфуций сказал: «Дун Ху прекрасный историограф древности, он делал записи по правилам (*шу фа* 書法), не скрывая [фактов]. Сюань-цзы – прекрасный сановник, который из-за правил [историописания] получил дурную славу. Как жаль! Если бы он пересек границы, то избежал бы [такой участи]»⁷⁸.

Здесь приведен образец записи и сказано о нормативной стороне определения вины первого министра. Когда историограф *даши* показал первому министру запись, тот мог только воскликнуть, что не виновен, но вмешаться и исправить не мог. Вина была возложена не на конкретного преступника, а на первого министра, который одновременно являлся главой рода, к которому принадлежал убийца. Любопытна и фраза, вложенная в уста историографа, о строгих нормах историописания: если бы сановник покинул пределы царства или, вернувшись в столицу, сразу покарал преступника (а им являлся его младший брат), то запись была бы иной — он не нес бы ответственности за события внутри царства ни как первый министр, ни как глава рода, к которому принадлежал убийца. Всё это показывает, что историограф *даши* должен был строго придерживаться существовавших норм историописания, и никто не мог диктовать ему содержание записи или запретить записывать.

Сразу после событий историограф царства занес сведения о нем в «анналы». И представитель знатного рода об этом знал⁷⁹. Увековечивание в «анналах» имен представителей знатных родов воспринималось ими как выражение особой «чести». И наоборот, если ими было совершено преступление против своего государя, то — «бесчестия», поскольку печальная память о преступлении ложилась бременем на потомков, которые в рамках культа предков должны были приносить им же жертвы. Например, представитель знатного рода не просто вынужден был сам помнить о том, что в

⁷⁸ Приведенное здесь высказывание Конфуция в современной версии *Лунь юя* («Беседы и суждения») отсутствует.

⁷⁹ В сочинении Сыма Цяня об участии Нин Хуй-цзы в перевороте не сообщается. Нин Си старался сдерживать данное отцу слово, но начался конфликт и он оказался побежденным; через 12 лет Сянь-гун смог вернуться в царство Вэй, вернуть себе власть и казнить Нин Си [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 117].

результате записи в «анналах» на нем лежала вина предка, но еще он должен был напоминать об этом другим, включая правителей чужих царств. В *Цзочжуань* ([092009], 553 г. до н.э., царство Вэй 衛) читаем:

Вэйский Нин Хуй-цзы 甯惠子 заболел⁸⁰. Призвав к себе [своего сына] Дао-цзы (Нин Си 甯喜), сказал: «Я виновен перед государем. Но раскаяние высказать не успел. [Мое] имя уже записано на планках [анналов] (цэ 策) наследственного правителя. Там сказано: „Сунь Линьфу, Нин Чжи изгнали своего государя“ (孫林父、甯殖出其君). Когда государь прибудет, то следует скрыть ее (запись. – М.У.). Если сможешь ее скрыть, то ты – мой сын, если не сможешь, то когда стану духом, я буду только голодать, не явлюсь [принять жертвенную] еду». Дао-цзы выразил свое согласие. После этого Хуй-цзы скончался⁸¹.

Не каждый представитель высшей знати был готов мириться с тем, что его злодеяние будет упомянуто в «анналах» царства. Дабы не допустить сохранения записи такого рода, он мог пойти на убийство историографов. В *Цзочжуань* ([092502], 548 г. до н.э.) в рассказе о событиях в царстве Ци есть такое сообщение:

Историограф *даши* записал (*шу* 書): «Цуй Чжу убил своего государя» (崔杼弑其君). Цуй-цзы убил его (*даши*. – М.У.). Его младший брат как его преемник сделал [такую] же запись, но убитых стало два человека. Тогда [другой] младший брат повторно сделал [такую] же запись, но и от него отделались. [Чиновник] *наньши* («южный историограф»), узнав о том, что [род] историографов *даши* полностью изведен, взял планки (*цзянь* 簡), устремился [во дворец]. Только узнав, что такая запись все-таки уже была сделана, вернулся⁸².

Из этого сообщения можно узнать о том, что все указанные здесь историографы стремились сделать запись о произошедшем событии во что бы то ни стало, даже ценой своей жизни⁸³.

⁸⁰ О предыстории мы узнаем в «Исторических записках» (гл. 37 «Наследственный дом вэйского Кан-шу»). В 554 г. до н.э. аристократ Сунь Вэнь-цзы (Сунь Линьфу) из царства Вэй за обиду, нанесенную его сыну, изгнал вэйского Сянь-гуна, который был вынужден бежать в царство Ци. Суня поддержал Нин Хуй-цзы; сообща они возвели на престол дядю бежавшего правителя (Там же. С. 117).

⁸¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1055.

⁸² Там же. С. 1099; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 87.

⁸³ Впрочем, упоминание злодеяния в «анналах» не остановило аристократа — через некоторое время он добился своего и возвел на престол нового правителя [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 56–57].

В *Цзочжуань* раскрывается культурный механизм такого поведения представителей знати. Запись в «анналах» была тесно связана с культом предков, и вина за проступок перед государем передавалась потомкам. В сообщении за 612 г. до н.э. ([061502]) в царстве Лу говорится:

«Третий месяц. Сунский Хуа Оу прибыл [в Лу] для участия в заключении союза». Все чиновники сопровождали его. В [*Чуньцю*] записано: «Сунский *сыма* Хуа Сунь» – это проявление уважения по отношению к нему. Гун задал в честь него пир. Отклоняя [приглашение], сказал: «[Мой] предок, подданный государя, [Хуа] Ду был виновен перед сунским Шан-гуном⁸⁴. [Его] имя записано на планках [анналов] (*цэ* 策) правителя царства [Сун]. Я, Ваш подданный, руковожу жертвоприношениями ему, поэтому как могу удостоиться такой чести перед Вами, государь? Прошу ниспослать повеление [об участии на пиру] *ялюя*»⁸⁵.

Записи событий в своем царстве

О возведении стен. Сооружение стен относились к числу важнейших сакрально значимых и политических акций. Поэтому в «анналах» сведения об этом должны были быть упомянуты обязательно, даже если руководивший этим представитель знати и не имел на то повеления своего государя. В *Цзочжуань* ([010102], 722 г. до н.э.) читаем сообщение, в котором воспроизведена фраза из «анналов»:

«Лето. Четвертый месяц. [Луский] Ми Бо командовал армией, которая обнесла стеной [поселение] Лан» — в [*Чуньцю*] это не записано, [поскольку] не было [на то] повеления *гуна*⁸⁶.

К языку такой записи в «анналах» существовали строгие требования. В *Чуньцю* ([032805], 666 г. до н.э.) есть такая запись: «Зима. Огородили Мэй» (*Дун. Чжу Мэй* 冬, 筑郟). В «собственно комментарии» *Цзочжуань* содержится такое пояснение:

[Мэй] не являлся стольным городом (*ду* 都). Все городские поселения (*и* 邑), в которых в качестве основных есть поминальные храмы духов предков государей (*цзун мяо* 宗廟), [в анналах] называются «стольными городами» (*ду* 都), не называются *и* 邑. Применительно к городским поселениям (*и*) используют слово «огородили» (*чжу* 筑),

⁸⁴ Хуа Ду – предок Хуа Оу, убил сунского Шан-гуна.

⁸⁵ *Ялюй* 亞旅 — четвертый в иерархии высших чинов государства сановник после *сыту*, *сыма*, *сыкуна* (см: *Чуньцю Цзочжуань чжу*. С. 609).

⁸⁶ Там же. С. 10; *Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо*. С. 60.

применительно к стольным городам (ду) используют слово «обнести стенами» (чэн 城)⁸⁷.

Мы видим, что выбор слова, обозначающего такое строительство, строго зависел от типа поселения. Это позволяло читателю узнать, какой вид населенного пункта был упомянут в тексте «анналов».

О военных действиях. Известны требования к записям в «анналах» ряда событий, связанных с военной тематикой. Именно о регламентации языка «анналов» в военной сфере больше всего сообщений в *Цзочжуань*.

В *Цзочжуань* ([070702], 602 г. до н.э.) сообщается:

[В анналах] всякий раз, когда план военной кампании [нескольких царств] разрабатывался сообща (юй мо 與謀), пишется «вместе с ...» (цзи 及), а когда не сообща, то «совместно с ...» (хуй 會)⁸⁸.

Существовали требования к записям о характере военных действий, которые вело царство. Так, в *Цзочжуань* ([032902], 665 г. до н.э.) читаем:

Всегда, если армия движется с ударами в колокола и барабаны, то [в анналах] говорится: «напасть» (фа 伐), если нет — «вторгнуться» (цин 侵), если продвигается налегке, то говорится «внезапно напали» (си 襲)⁸⁹.

Царства могли вести совместные военные действия против общего врага. При этом войско одного из царств могло находиться под началом военачальника другого царства. Это отражалось в тексте «анналов». В *Чуньцю* ([052608], 634 г. до н.э.) читаем:

Гун [царства Лу], используя войско [царства] Чу, напал на [царство] Ци. Захватил Гу.

В *Цзочжуань* не очень ясная фраза Чуньцю «используя войско» объясняется таким образом:

Всякий раз, когда армия [одного царства] пребывает под командованием [другого царства], то [в анналах] об этом сказано «используя» (и 以)⁹⁰.

⁸⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 242; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 164.

⁸⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 691.

⁸⁹ Там же. С. 244; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 165.

⁹⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 442; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 255.

Порой в «анналах» также сообщалось об остановках войска в походе. В *Цзочжуань* ([030305], 691 г. до н.э.) говорится:

Всегда, когда войско [останавливается] на одну ночь, то [в анналах] это называют «ночевкой» (*шэ* 舍), повторную остановку называют «биваком» (*синь* 信), а о более продолжительной, чем «бивак», говорят — «стать лагерем» (*цы* 次)⁹¹.

Еще в одном сообщении *Цзочжуань* ([061507], 612 г. до н.э.) есть данные о том, как в «анналах» должны были фиксироваться результаты военной кампании:

...[в анналах] всегда о подчинении царства говорится: «уничтожить» (*ме* 滅), а о взятии большого города — «войти» (*жу* 入)⁹².

В *Цзочжуань* ([031102], 683 г. до н.э.) есть такое развернутое пояснение о способах записи в «анналах» достигнутых в битвах побед:

Всегда о действиях армии, если враг не сохранил построения [в анналах] записывается «нанесено поражение некой армии» (*бай мо ши* 敗某師); если сохранил построение, то — «произошло сражение» (*чжань* 戰); если был учинен значительный разгром — «нанесено сокрушительное поражение» (*байци* 敗績); если захвачены пленные — «разгром» (*кэ* 克); если была устроена засада и нанесено поражение — «захвачена некая армия» (*цюй мо ши* 取某師); если войско [чжоуской] резиденции нанесло поражение — «войско вана нанесло сокрушительное поражение в таком-то месте» (*ваниши байци юй мо* 王師敗績于某)⁹³.

Особое словоупотребление было характерно и для передачи понятия «взять в плен» применительно к представителю какого-либо знатного рода. Для этого использовалось слово *на* 納. Например, ([071106], 588 г. до н.э.):

День *дин-хай*. *Цзы* [царства] Чу вошел [в земли царства] Чэнь. Взял в плен (*на* 納) Гунсунь Нина и И Синфу в [царстве] Чэнь⁹⁴.

В отношении ко всем остальным использовались другие слова (например, *хо* 獲 и др.).

⁹¹ Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 161; Чуныцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 131.

⁹² Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 613.

⁹³ Там же. С. 186–187; Чуныцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 142.

⁹⁴ Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 710, 715.

О социальных противоречиях. В источнике есть пояснение и к записям, которые сообщают о социальных противоречиях. В *Цзочжуань* ([060301], 624 г. до н.э.) сказано:

[Народ царства] Шэнь «растекся» — всякий раз, когда народ разбегается от своих верхов, об этом говорится «растечься» (*куй* 潰); а применительно к верхам — «разбежаться» (*тао* 逃)⁹⁵.

О религиозных церемониях. Как правило, в «анналах» регулярные религиозные церемонии, т.е. те, которые проводились в установленном время и в установленной форме, почти никогда не упоминались, поскольку современникам они представлялись само собой разумеющимися (прежде всего, это церемонии приуроченные к конкретному дню *цзи* 祭, месяцу — *сы* 祀, сезону — *сян* 享).

Записывать же требовалось те из них, которые проводились с отклонением от должного времени ([020507], 707 г. до н.э.)⁹⁶.

В *Цзочжуань* содержится известие об одной проведенной не в должное время церемонии. Так, в *Чуньцю* ([021402], 698 г. до н.э.) есть такое упоминание, восходящее к «анналам» царства Лу: «Не было льда» (*у бин* 無冰). Согласно *Цзочжуань* (538 г. до н.э.), это сообщение связано с тем, что во второй месяц каждого года совершалась церемония *цанбин* 藏冰 (букв.: «сохранение льда»). Упоминание об отсутствии льда означало то, что этот обряд не мог быть проведен в должное время. В *Чуньцю* фраза «не было льда» встречается три раза, а вот сообщения «провели церемонию сохранения льда» нет вообще.

Упоминание в «анналах» подобных событий могло быть обусловлено тем, что они воспринимались как знамения — предостережения Неба. Действительно, четыре года спустя после упомянутого «отсутствия льда», в 694 г. до н.э., луский Хуань-гун был убит. Таким образом, в «анналах» фиксировались не все нарушения порядка проведения наиболее значимых церемоний, а те, которые были вызваны событиями, входившими в категорию знамений (предвестников). Они важны и для современного историка, поскольку указывают на усиление внутривластной борьбы (чаще всего между правителем и представителями родовой знати), которая вышла за некие границы и в конце концов привела к тяжелым последствиям.

⁹⁵ Там же. С. 528.

⁹⁶ Там же. С. 106–107; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 106.

Также записывались те церемонии, которые были проведены с отклонением от нормы. Некоторые из них имели отношение к обряду погребения ([070804], 601 г. до н.э.).

О погодных явлениях и стихийных бедствиях. Применительно к записям о погодных явлениях также существовали свои нормы. В *Цзочжуань* ([010902], 714 г. до н.э.) читаем:

Все дожди, которые длятся более трех дней, [в анналах] называют «затяжными» (*линь* 霖). Если поверхность земли [покрывается снегом] на [один] *чи*, то называют это «сильным снегопадом» (*дасюэ* 大雪)⁹⁷.

Есть сведения о записях, касающихся некоторых стихийных бедствий. Так, в *Чуньцю* ([020104], 711 г. до н.э.) читаем: «Осень. Наводнение». В *Цзочжуань* далее объясняется:

Всегда, когда воды реки выходят на равнину, [в анналах] это называют «наводнением» (*дашуй* 大水)⁹⁸.

Особое внимание в «анналах» уделялось таким явлениям как «облака-предвестники» (*юнь у* 云物); в *Цзочжуань* ([050501], 655 г. до н.э.) сказано:

[В анналах] непременно делали запись об «облаках-предвестниках», потому что считали их предупреждением [о грядущих бедствиях]⁹⁹.

Пример того, как могли выглядеть эти предвестники и какова была на них реакция правителя царства, чуского *вана*, описанный в *Цзочжуань* ([120606], 489 г. до н.э.), был приведен выше¹⁰⁰. Видим, насколько серьезное внимание придавалось «предвестникам», и неслучайно правитель царства Чу предпочел узнать мнение о них у историографа *даши* домена в Чжоу, т.е. у того, кто вел записи в «анналах» самого *вана*.

* * *

Рассмотренные примеры позволяют увидеть, что одна из задач регламентации языка записей заключалась в том, чтобы вложить в них дополнительные сведения об упомянутом событии, кото-

⁹⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 64; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 87.

⁹⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 82; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 96.

⁹⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 303; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 190.

¹⁰⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1635–1636.

рые позволяли при прочтении получить дополнительные данные и, одновременно, могли быть поняты читателем однозначно, без разночтений.

Записи событий в других царствах

В период Чуньцю между царствами чжоуской политической культуры в условиях сохранения их ритуально-политического единства происходил интенсивный обмен политической информацией. Важнейшая особенность «анналов» заключалась в том, что в них записывались поступающие по официальным каналам сведения из других царств. Часть из них должна была сразу заноситься в «анналы», часть, по-видимому, хранилась и со временем, в случае очевидной важности событий для характеристики прошлого, заносилась в «хронику».

Обязательным условием занесения в «анналы» данных о событиях в других царствах являлось получение таких официальных уведомлений двух видов: 1) «извещения о смерти» (*фу* 赴); 2) «уведомления» (*гао* 告) о наиболее значимых событиях. В *Цзочжуань* ([061401], 613 г. до н.э.) читаем:

Четырнадцатый год. Весна. Цин-ван усоп. Чжоу-гун Юэ и Вансунь Су боролись за власть, поэтому не выслали «извещение о смерти» (*фу*). Всякий раз, если кто-то усоп или почил, но не было «извещения о смерти», то [в анналах] не записывалось. Если произошли несчастливые или счастливые [события], но не было «уведомления» (*гао*), то также [в анналы] не записывалось. Таково последствие проявленного неуважения¹⁰¹.

«Уведомления» (*гао*) носили официальный и неофициальный (доверительный) характер. Первые из них предназначались для записи в «анналах». Их подготовка, отправка, способы доставки были обусловлены нормами ритуального взаимодействия между царствами, а вторые содержали в себе обращения (предложения или даже просьбы) политического характера. Являясь одной из форм неофициального общения между государями, они носили конфиденциальный характер и в «анналах» не фиксировались (*Цзочжуань*, [010404], 719 г. до н.э.)¹⁰². Но поскольку они хранились в архивах, их сведения могли быть использованы уже при составлении «хроник».

¹⁰¹ Там же. С. 602.

¹⁰² Там же. С 36; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 73.

«Уведомления» могли содержать самые разнообразные сведения, назовем наиболее характерные из них: о ведении военных действий (712 г. до н.э.), и в частности о том, что царство подверглось нападению (722 г. до н.э.). При этом «уведомления» о военных действиях должны были присылать как царства, совершившие нападение (оно считалось законным, если на то было повеление чжоуского *вана*), так и царства, подвергшиеся нападению (*Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.)¹⁰³. В «уведомлениях» могли быть сведения о мятеже (719, 649 гг. до н.э.), о голоде (717 г. до н.э.) и просьбе закупить или предоставить зерно (666 г. до н.э.), о заключении мира между царствами (715 г. до н.э.), о происшествиях или счастливых событиях (613 г. до н.э.), о бегстве представителей знати в другие царства (599 г. до н.э.), о вступлении на престол нового правителя (534 г. до н.э.), о преемнике умершего правителя (716 г. до н.э.), о котором старались уведомлять еще до вступления на престол в сообщении, направляемом вместе с «извещением» о смерти.

Запись могла быть внесена в «анналы» только в том случае, если деяние, о котором говорилось в «уведомлении» (*гао*), было осуществлено в соответствии с **повелением** правителя царства, приславшего его. Так, в *Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.) сообщается:

Всегда, если правители царств издавали повеление (*мин* 命) и [затем] сообщали [об этом в Лу], то это [событие] записывалось [в анналы]. В противном случае — не записывалось¹⁰⁴.

Иными словами, в соответствии с нормами политической культуры того времени, сразу после завершения событий необходимо было разослать официальные «уведомления» в соседние царства. При этом придворный аппарат царства до их отправки должен был издать повеления о каждом упомянутом в «уведомлении» деянии. Только тогда деяние принимало официальный характер и могло быть записано в «анналы».

Право на власть нового правителя какого-либо царства должно было быть подтверждено повелением об официальном признании его прав на престол чжоуским ваном ([030106], 693 г. до н.э.). Из *Цзочжуань* известно, что если приходило сообщение о воцарении нового государя, но повеления чжоуского *вана* на то не было, то в

¹⁰³ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

¹⁰⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

«анналы» соседних царств записывалось личное имя правителя, а не его титул ([010102], 722 г. до н.э.). В *Цзочжуань* приведены примеры того, что из-за отсутствия «извещений о смерти» в «анналы» царства Лу не было включено указание о смерти даже чжоуского вана (545 г. до н.э.); из-за отсутствия официального «уведомления» из царства Цзинь в «анналы» Лу не были внесены важные события, связанные с судьбой наследника ([052401], 636 г. до н.э.)¹⁰⁵.

Существовали требования к языку официальных «уведомлений» (*гао*) из других царств и о ведении военных действий. Если эти нормы были соблюдены, то полученное сообщение позволялось включить в «анналы» царства. В *Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.) читаем:

Хотя бы царство уже и было уничтожено, но если после «уничтожения» (*ме* 滅) не уведомили о [своем] «поражении» (*бай* 敗), а «одержав победу» (*шэн* 勝), не уведомили о «разгроме» (*кэ* 克) [противника], то это не записывалось на планки (*цэ* 策)¹⁰⁶.

Если требования к словоупотреблению не были соблюдены, то соответствующие сведения не попадали в «анналы».

Бывало, что в царство могли поступить два извещения о смерти, в которых были указаны разные дни. В таком случае в «анналах» указывались обе даты. Например, в *Цзочжуань* ([020501], 707 г. до н.э.) рассказано о том, что после того, как в царстве Чэнь брат царя убил его наследника — старшего сына, извещения о смерти государя были разосланы обеими боровавшимися за власть группировкам высшей знати — и той, которая поддерживала дядю, и той, которая выступала против него¹⁰⁷.

4. Другие письменные произведения

«Анналы» не были единственным видом письменных сочинений, которые порождала «храмово-дворцовая» субсреда. Судя по контекстам, к ним также можно отнести сочинения мантического характера и мифографии.

Мантические сочинения. Из уже упоминавшегося сообщения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) узнаем, что посол из царства Цзинь по имени Вэй Сюань-цзы, находясь в царстве Лу, с трепетом

¹⁰⁵ Бамбуковые анналы. С. 241.

¹⁰⁶ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

¹⁰⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 104.

и восхищением «осмотрел книги господина историографа (*даши ши* 大史氏)» и обратил внимание не только на «хронику» *Чуньцю*, но и еще на два сочинения:

– *Сян* 象 («Образы») для интерпретаций результатов гаданий с помощью панциря черепахи (*бу* 卜);

– *И* 易 («Перемены») — с помощью тысячелистника (*ши* 筮).

В *Цзочжуань* ([051514], 645 г. до н.э.) разъяснены различия между ними:

Гадание с помощью панциря черепахи — использование образа (*сян* 象), гадание с помощью тысячелистника — использование чисел (*шу* 數). Сначала вещь появляется и затем получает образ, получает образ и затем получает множественность, получает множественность и затем получает число¹⁰⁸.

Мифография. В *Цзочжуань* и других памятниках упомянуты древние, основополагающие с точки зрения сакральной мифической истории, сочинения, в которых содержались записи мифов и легенд. По своей форме они явно отличались от литургических произведений прозаического содержания — «писаний» (*шу*).

1. В *Цзочжуань* [101209], 530 г. до н.э.) есть такое сообщение:

...*Цзоши* [царства Чу] И *Сян*, быстро [выражая свое почтение], вышел. [Чуский Лин-]ван [540–528 гг. до н.э.] сказал: «Это хороший историограф. Я благосклонно отношусь к нему! Он может прочесть: *Сань фэнь* 三墳 (“Три усыпальницы”), *У дянь* 五典 (“Пять установлений»), *Ба со* 八索 (“Восемь мер”), *Цзю цю* 九丘 (“Девять холмов”))¹⁰⁹.

Здесь упомянуты четыре произведения, в которых описывались мифические времена. Об их возможном содержании узнаем только из более поздних сочинений. Например, в *Сань фэнь*, согласно комментарию к *Чуньцю Цзочжуань*, составленному Ду Юем

¹⁰⁸ Там же. С. 365; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 219. О первом типе сочинений можно составить представление на основе текста главы 128 «Повествование о гаданиях по панцирям черепах» в «Исторических записках», а о втором — из «Канона перемен», а также из цитируемых в источниках подписей к гексаграммам. Так, в основных из них, в *Цзочжуань* и *Гоюй*, упомянуты 30 различных гексаграмм из 64. См.: *Кобзев А.И.* «Канон перемен» как мировая константа // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собр. тр. М., 2014. С. 641–642.

¹⁰⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1340.

(222–285 гг. н.э.), говорилось о трех божествах, которые назывались *ди* 帝 или *хуан* 皇¹¹⁰.

2. В *Гоюй* («Речи царства Чжэн» [209], правление чжэнского Хуань-гуна, 806–774 гг. до н.э.) упомянуто сочинение «*Наставляющие речи*» (*Сюнь юй* 訓語). В нем приведена легенда об обретеннии слюны двух драконов, события которой якобы происходили во времена «династии Ся»¹¹¹.

ХРАМОВАЯ СРЕДА

О ней судить сложнее всего. Храм представлял собой консервативную, самодостаточную и сравнительно закрытую культурную среду. В описываемый период она, располагаясь на территории дворцового комплекса, не была автономной по отношению к дворцу. Более того, поскольку основным государственным культом был культ почитания духов предков правящей династии, сам царь выполнял целый ряд жреческих функций. Число участников процесса сохранения исторической памяти здесь ограничивалось жрецами отдельных категорий. Мышление жречества носило ярко выраженный мифический (мифо-поэтический и мифо-ритуальный) характер¹¹². Основные задачи этой среды лежали в религиозной сфере — отправление священнодействий, обеспечение сакральной коммуникации правителя с предками и Небом во имя поддержания всеобщего благополучия. *Репрезентация* устных и письменных произведений в этой среде была рассчитана прежде всего на устное восприятие. Порождавшиеся этой культурной средой произведения декламировались во время храмовых и дворцовых церемоний, сопровождалась исполнением музыки, порой — ритуальных танцев¹¹³.

В *Цзочжуань* ([110405], 506 г. до н.э.) названо четыре категории столичных священнослужителей: старшие жрецы *чжу* 祝 (также

¹¹⁰ Есть несколько версий их состава, которые явно относятся к более позднему времени, к концу Древности, но как они раскрывались в период Чуньцю, пока не ясно. Так, в западноханское время встречается не менее трех вариантов: Фу Си 伏羲, Шэнь-нун 神農, Суйжэнь 燧人; Фу Си 伏羲, Шэнь-нун 神農, Чжужун 祝融; Фу Си 伏羲, Шэнь Нун 神農, Хуан-ди 黃帝.

¹¹¹ Гоюй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987. С. 242.

¹¹² Подробнее см.: *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 9–15.

¹¹³ *Ульянов М.Ю.* О религиозных церемониях. С. 28–31.

чжуши 祝史), которые отвечали за организацию и проведение религиозных церемоний; цзун 宗 (также чжуцзун 祝宗, цзунбо 宗伯, цзунжэнь 宗人) — их помощники, они же выполняли функции священнослужителей в поминальных храмах; бу 卜 (главный гадатель бучжэн 卜正, обычные гадалки буши 卜士 или бужэнь 卜人) — гадалки с помощью панцирей черепах; ши 史 — интерпретаторы гаданий с помощью стеблей тысячелистника, в результате которых выстраивались гексаграммы, описанные в «Книге перемен»¹¹⁴.

Кроме них, отдельную группу жречества составляли слепые жрецы-музыканты категории гу 瞽. По сообщению Гоюй («Речи Чжоу», часть 1), в западночжоуское время и в начале периода Чуньцю внутри гу выделялись: исполнители государственных мелодий ши 師, а также слепые жрецы без зрачков соу 瞍 и слепые со зрачками (но с бельмом) мэнь 瞶. Во время религиозных церемоний именно жрецы гу исполняли литургические произведения поэтического характера¹¹⁵. В контексте церемоний также упомянуты «исполнители музыки» (юэ 樂). По своим задачам они принадлежали к столичному жречеству, но, по сравнению с вышеназванными жрецами, были меньше интегрированы в жизнь двора.

В период Чуньцю столичное жречество отличалось от служителей локальных анимистических культов у 巫. Первые, обслуживая интересы государства, развивались вместе с ним. Вторые, наоборот, «консервировались» в простонародной среде¹¹⁶.

В храме сохранялась и передавалась память о предках правителей царства, которые являлись объектом религиозного поклонения, а также представления о «священной истории», которая была важной частью идеологии высшей власти. Скажем о ней. «Священная история» этнических хуася, частью которых являлись чжоусцы

¹¹⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1536. О категориях столичного жречества периода Чуньцю см.: Ульянов М.Ю. Старшие жрецы чжу при дворах правителей царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Кнорозовские чтения. М., 2015 (в печати).

¹¹⁵ Теоретически, именно они могли быть и исполнителями эпоса.

¹¹⁶ В начале периода Западное Чжоу, по-видимому, все жрецы обобщенно назывались словом у 巫. Свидетельством этого являются археологические находки на месте раннего чжоуского культового центра (уезд Фуфэн, XI в. до н.э.). Там были найдены две изготовленные из раковины человеческие головы. На головном уборе одной из них и был нанесен этот иероглиф. См.: Инь Чэньпин. Си Чжоу бэндяо жэньтоусян чжунцзу таньсю (Предварительное рассмотрение этнической принадлежности вырезанной из раковины мужской головы времен Западного Чжоу) // Вэньу. 1986. № 1. С. 47.

и члены правившей династии Цзи 姬, включала представления о связи с миром богов: всего чжоуского народа — с их первопродком Хоу-цзи (Царем-просо); и шире, всех этнических *хуася* — с их перво-божеством Хуан-ди (Желтым императором) и его потомками. «Священная история» и идеология высшей власти в других царствах, где правили члены других династий (не Цзи), среди которых были и не-*хуася*, а представители других этносов «двуединого региона», говоривших на австрических (реже — тибетских и алтайских) языках, строилась на происхождении династий от региональных божеств Яо, Шуня, Юя и их соратников, которые, впрочем, относились к младшим поколениям богов¹¹⁷.

Важной частью «священной истории» *хуася* была (и остается сейчас) история возникновения и становления чжоуского государства. Специфика идеологии правившей в Чжоу династии Цзи была обусловлена тем, что она пришла к власти несправедливым путем: сначала захватив политический центр государства Шан при У-ване (в 1027 г. до н.э.), а затем с помощью очевидной провокации ликвидировав последнего шанского правителя уже в первый год регентства Чжоу-гуна (в 1025 г. до н.э.). Это обстоятельство предопределило особое внимание чжоуских властей к обоснованию легитимности их власти, по сути — к оправданию перед Небом и социумом совершенного их предками насилия. Поэтому важнейшими составляющими предыстории и истории династии Цзи являлись полная дискредитация шанского государя Ди-синя и тщательно подобранные «исторические факты», подтверждавшие

¹¹⁷ О феномене культурного «двуединства» региона Восточная Азия см.: *Деолик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у *хуася* во II тыс. до н.э. // ОГК-ХЛШ. 2013. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 43; вып. 8); *Они же.* От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи»: периодизация исторического процесса в центре Восточной Азии с 2500 г. до н.э. по 220 г. н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 17–22.

Только в отношении этнических *хмонгов*, жителей земель Средней Янцзы, объединенных в период Чуньцю государями царства Чу, подчеркивалось, что их первобожество Шэнь-нун (или Янь-ди) было разгромлено Хуан-ди на поле боя. При этом интегрированная в чжоуское культурное и политическое пространство династия Ми, к которой принадлежали государи Чу, возводила свои истоки к внуку Хуан-ди Чжуань-сюю. См.: *Ульянов М.Ю.* Мифическая часть генеалогии правителей царства Чу (конец II — конец I тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2002 г. Востоковедение. Тез. докл. М., 2002.

справедливость прихода к власти У-вана в 1027 г. до н.э., а также подчеркивавшие особую праведность и угодные Небу добродетели его прдшественника Вэнь-вана (ок. 1095–1037 гг. до н.э.).

1. Основные участники процесса сохранения исторической памяти: жрецы *ши*

Среди всех перечисленных выше категорий жрецов наиболее значимой с точки зрения сохранения исторической памяти была роль **жрецов *ши*** 史. Их обязанности распространялись как на храмовую среду, так и на храмово-дворцовую субсреду, что сближало их с историографами *даши*, но при этом никак не уподобляло им¹¹⁸. В описываемое время, оставаясь жрецами, *ши* при выполнении ряда задач соприкасались с дворцовой средой. Заметим, что в литературе слово *ши* 史 зачастую воспринимается в его современном значении: «историк». Это не отвечает реалиям периода Чуньцю.

Обязанности, связанные с двором. Основная функция жрецов *ши* заключалась в интерпретации результатов гаданий (*чжань* 占) с помощью стеблей тысячелистника, реже — панцирей черепах, сновидений и т.п. При этом сами они гаданий не совершали, а только толковали полученные результаты, интерпретируя волю Неба, явленную правителю царства.

В *Цзочжуань* содержится восемь описаний интерпретации жрецами *ши* гаданий (672 г. — царство Чэнь, 645 г., 632 г., 575 г., 486 г. — царство Цзинь, 614 г. — царство Чжу; 564 г. — Лу, 548 г. — Ци)¹¹⁹. В них упоминается название выпавшей гексаграммы и тех гексаграмм, в которые она переходит в результате изменений черт. Жрец *ши*, получив их, «разбирал числа (*шу*) и их перемены (*и*)». А затем с помощью мантических формул к гексаграммам, собранных в *Чжоу и* («Книгу перемен»), давал интерпретацию его ре-

¹¹⁸ Соответственно, неверно считать, что *даши* 大史, исходя из значения иероглифа *да* (старший, главный), могли быть начальниками над *ши* 史, — их деятельность относилась к разным сферам. Однако вопрос их различия усложняется еще и тем, что в ряде других источников, прежде всего в *Гоюй*, упомянута такая должность как *тайши* 太史. Их часто, еще в поздней Древности, путали с *даши*, хотя это были разные должности. Судя по контекстам упомянутого источника, это могли быть старшие жрецы-распорядители ряда религиозных церемоний, которые проводились с участием царя и были связаны с годовым аграрным циклом.

¹¹⁹ Подробнее о всех случаях гаданий в *Цзочжуань* говорится в работах С.В. Зинина: Зинин С.В. Отражение «И цзина» в «Цзо чжуани» и концепция перемен // ОГК-ХV. 1984. Ч. 1; *Он же*. Мантические ритуалы *бу* и *ши* в эпоху Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.) // *Этика и ритуал в традиционном Китае*. М., 1988.

зультатов. Точнее, он истолковывал общий смысл (*чжань* 占) полученных гексаграмм. Затем аргументировал это, зачитывая подлиси к отдельным чертам гексаграммы (*чжоу* 繇).

В истолковании одного гадания могли участвовать сразу трое *ши* (9-й год правления Ай-гуна, 486 г. до н.э., в царстве Цзинь). А в царстве Цинь интерпретация результатов гаданий, полученных с помощью стеблей тысячелистника, могла быть поручена жрецу *бу* (*Цзочжуань* [051514], 645 г. до н.э.). Жрецы не были единственными, кто мог интерпретировать гадания. За этим могли обратиться к влиятельным женщинам, например, к матери правителя царства Вэй (563 г. до н.э.) или жене *дафу* из царства Чэнь (672 г. до н.э.). Кроме того в качестве интерпретаторов могли выступать военачальники (597 г. до н.э.). Таким образом, знание секретов мантического искусства не являлось исключительной прерогативой *ши* или, шире, жречества. Соответственно, жрецы не являлись единственными хранителями этих знаний как сокровенных и таинственных. Скорее они обладали некими профессиональными знаниями и кругозором, чтобы более точно, чем кто-либо иной, объяснить сложившийся расклад, в том числе и опираясь на прецеденты.

Жрецы *ши* были способны дать заключение о соответствии тех или иных действий правителя ритуальным нормам и в подкрепление своих слов привести аналогии из прошлого. В этом отношении жрецы *ши*, как и историографы *даши*, являлись носителями знаний об истории — они сохраняли в своей памяти события прошлых времен. Так, из сообщения *Цзочжуань* ([052821], 632 г. до н.э.) узнаем, что жрец *ши* царства Цзинь через придворного служащего, адресуясь к своему государю, цзиньскому Вэнь-гуну, сказал:

Циский Хуань-гун [685–643 гг. до н.э.], собирая съезды, наделял владениями [представителей] разных фамилий. Сейчас же Вы, государь, собираете съезд, чтобы уничтожить [представителя] одной [с Вами] фамилии. Предок цаоского Шу Чжэньдо [предок рода правителей Цао], чья таблица стоит на алтаре слева (*чжао*), — это Вэнь-ван [ок. 1095–1037 гг. до н.э.]. [Ваш], государь, предок Тан Шу, чья таблица стоит на алтаре справа (*му*), — это У-ван [1035–1027 гг. до н.э.]. Объединять правителей царств для уничтожения братьев — это не соответствует нормам ритуального поведения...¹²⁰

Можно заметить, что жрец *ши* дал оценку поступкам правителя, апеллируя к историческому прошлому — примеру первого геге-

¹²⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 474; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 272.

мона в истории Древнего Китая. При этом, в отличие от *даши*, он вступает в диалог с правителем не напрямую, а через слугу. *Ши* также дал оценку соответствию замыслов государя ритуальным нормам, рассматривая порядок расстановки дощечек с именами. Здесь он, не выходя за пределы храмовой тематики, рассмотрел родство между предками правителей царств Цзинь и Цао. Из его слов видно, что он знал на память порядок расположения табличек с именами на алтаре в поминальном храме. Не удивительно, что жрецам *ши*, которые вместе со жрецами *гу* участвовали в священнодействиях, связанных с отправлением культа предков, приписывалось ведение генеалогий знатных родов и влиятельных кланов.

Обязанности, связанные с храмовой средой. В задачи жрецов *ши*, наряду с жрецами *чжу* и *цзун*, входило принесение жертв духам во время основных религиозных церемоний в качестве чтецов молитвословий *цы* 辭. Из сообщения *Цзочжуань* ([033202], 662 г. до н.э.) и *Гоюй* («Речи царства Цзинь» 2, 92; 656 или 655 г. до н.э.) узнаем, что когда некий дух явился в одной из местностей царства Восточное (?) Го, то именно жрец *ши*, который принимал участие в церемонии жертвоприношений совместно с *чжу* и *цзун*, должен был по описанию внешнего облика распознать, о каком духе идет речь. Кроме того, *ши* должен был знать имена духов, чтобы обращаться к ним при выполнении церемоний¹²¹.

А в *Цзочжуань* ([080504], 586 г. до н.э.) сказано и о том, что во время стихийных бедствий «главный жрец *чжу* пусть совершит жертвоприношение ценными вещами, а жрец *ши* прочитает *молитвословия* в соответствии с нормами ритуалов»¹²². Это же подтверждается в еще одном сообщении *Цзочжуань* ([101702] 525 г. до н.э., царство Лу):

Когда минует время [затмения], тогда музыканты *юэ* бьют в барабаны, главные жрецы *чжу* совершают жертвоприношения ценными вещами, жрецы *ши* читают *молитвословия*¹²³.

Во время религиозных церемоний жрецы *ши* вместе со жрецами *гу* декламировали «литургические тексты». Первые — прозаические «писания» *шу* 書, вторые — поэтические *ши* 詩. Из сообще-

¹²¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 251–253; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 168–169.

¹²² Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 823

¹²³ Там же. С. 1386–1387.

ний *Цзочжуань* складывается впечатление, что и составляли эти «писания», видимо, всё те же жрецы *ши*. В *Цзочжуань* (559 г. до н.э., царство Цзинь) приведены такие слова жреца-музыканта *ши* Куана 師曠, который в правление цзиньского Пин-гуна (557–532 гг. до н.э.) был назначен на должность первого министра:

Жрецы *ши* создают *шу*, жрецы *гу* создают *ши*. Искусно декламируя их, произносят предостережения и увещевания [для государей] (史為書，瞽為詩，工誦箴諫)¹²⁴.

Все названные выше задачи жрецов *ши* были тесно связаны друг с другом. Точная интерпретация гадания и верное прогнозирование событий имели государственное значение и составляли важную часть исторического опыта царства. Всё вместе это, по мнению современников, позволяло им понимать и толковать (букв. «знать» *чжи* 知) «волю Неба» (*тянь дао* 天道). Так в *Гоюй* («Речи Чжоу», 3. 1) один из аристократов говорит: «Я не слепой музыкант *гу* и не жрец *ши* — откуда же мне знать волю Неба»¹²⁵.

2. Письменные произведения

Создававшиеся в храмовой среде произведения непременно несли на себе ее отпечаток. Назовем и кратко охарактеризуем основные из них.

Родословия, которые велись при храме. В *Гоюй* есть два упоминания, вероятнее всего, одного и того же письменного сочинения: «Записей [жрецов] *гу* и *ши*». Оба раза — в контексте истории царства Цзинь. В первом случае:

В Шан престол занимали 31 *ван*¹²⁶. В «*Гу ши чжи цзи*» 瞽史之紀 [«Записи жрецов *гу* и *ши*»] сказано: «[Число] поколений потомков Тан Шу будет равно числу шанских [правителей]». Сейчас еще нет и половины¹²⁷.

Во втором указывается несколько видоизмененное название того же сочинения:

¹²⁴ Там же. С. 1017.

¹²⁵ Гоюй (Речи царств). С. 57.

¹²⁶ Это совпадает со списком Сыма Цяня: 18 правителей от Чэн-тана до Ян-цзы и 13 правителей от Пань-гэна до У-гэна (1027–1025 гг. до н.э.), сына Ди-синя.

¹²⁷ Тан Шу — сын западночжоуского У-вана, родоначальник династии правителей царства Цзинь. См.: *Сыма Цянь. Исторические записки* (Шицзи). Т. 5. С. 139.

В «*Гу Шицзи*» 警史記 говорится: «Наследуйте своим предкам, как зерно, прорастая, тогда будете обладать царством Цзинь»¹²⁸.

Здесь заметен элемент пророчества.

Сочинения литургического характера. Литургические прозаические («писания» *шу*) и поэтические (*ши*) сочинения являлись важнейшими произведениями, порождавшимися храмовой средой. Они создавались здесь для проведения религиозных церемоний — священнодействий всех типов. Эти произведения и использовались в основном в храмовой среде, но могли исполняться и в дворцовой среде, и за пределами столицы, но с участием столичного жречества или правителя. Многие из них появились еще в период Западное Чжоу¹²⁹. В этих произведениях память о прошлом передавалась в виде глубоко сакрализованной и идеологизированной «священной истории». Она имела форму восхваления деяний мифических божеств, легендарных царей, культурных героев и правивших в Чжоуском домене *ванов*, а начиная с периода Чуньцю — и правивших в царствах бассейна Хуанхэ.

1. **Литургические поэтические «песнопения»** (*ши* 詩). Судя по названию разделов, в каноническом памятнике *Шицзин* («Канон поэтических произведений») содержались «гимны» (*сун* 頌, букв. «словословие»). Их отличительной чертой является первая строка, которая содержит обращение-призывание (*инвокацию*), например: «Царь Просвященный, Вэнь-ван, пребывая теперь в вышине...»¹³⁰.

Существовали «песнопения», посвященные мифическим богествам, в которых сохранились элементы эпических сказаний *хуася*¹³¹; посвященные подвигам исторических «царей», как правило,

¹²⁸ Гоюй (Речи царств). С. 342, 365; Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. С. 88–89.

¹²⁹ Традиция их сочинения и исполнения, видимо, зародилась в еще более раннее время. Произведения шанского времени или о государстве Шан в период Чуньцю сохранялись прежде всего в царстве Сун, в котором правили потомки династии, правившей в Шан. Эти произведения, кстати, должен был неплохо знать Конфуций, поскольку его предки принадлежали именно к этой династии и были выходцами из этого царства.

¹³⁰ Цитата из первой строки «великой оды» *Вэнь-ван* 文王 («Ода Вэнь-вану»). См.: Книга песен / Пер. А.А. Штукина. М. 1987. С. 218. На то, что гимны *Шицзина* «создавались в среде жрецов», в российском востоковедении обратил внимание И.С. Лисевич. Он также заметил, что само слово *сун* (гимн) «первоначально служило обозначением разновидности колокола» (Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М., 1979. С. 133, 131, 142).

¹³¹ Это прежде всего ода *Шэнминь* 生民 («Рождение народа», 3.2.1), посвященная первоначально чжоусцев — Хоу-узи (Царю-просо). См.: Книга песен. С. 234–236.

основоположников династий: *шанцев* — Чэн-тана (вторая половина XVII в. до н.э.?) и *чжоусцев* — Гу-гун Даньфу (? — ок. 1124), а также легендарным личностям, окружавшим царей (мудрым советникам, таким как И Инь при Чэн-тане и др.).

2. **Литургические прозаические «писания»** (*шу* 書). Судя по названиям главок, сохранившихся в каноническом памятнике *Шуцзин* («Канон [исторических] писаний»), в их число входили сочинения следующих видов: *дянь* 典 — «установления», *сюнь* 訓 — «наставления», *мин* 命 — «повеления», *мо* 謨 — «преднамерения», *ши* 誓 — «клятвы (в основном перед битвой)»¹³², *гао* 誥 — «объявления». По названию некоторые из них соответствуют документам канцелярии (см. ниже), но таковыми ни в коем случае не являются, поскольку, как явствует из сохранившихся в *Шуцзине* образцов «писаний», многие из них содержали «речи», приписываемые мифическим божествам, легендарным и историческим царям, которые отражали общие, идеологически выверенные взгляды по вопросам власти и управления. Важно отметить, что среди этих речей были и такие, которые начиная со времен первых западночжоуских *ванов* записывались, например те «писания» (*шу*), которые были составлены от лица чжоуских *ванов* (содержат фразу *ван жо юэ* 王若曰: «*ван* так сказал») и оглашались жрецами *ши* 史 во время храмовых церемоний¹³³. Соответственно, данные речи в момент оглашения были обращены не столько к двору, сколько к Небу и предкам, и в силу этого обладали особой сакральной значимостью. Этим они отличаются от «профанных» речей *юй* 誥, произнесенных при дворе во время светских церемоний или обсуждений государственных дел.

Судя по составу современного *Шуцзина* («Канона [исторических] писаний») и *И Чжоушу*, а также по более полному списку глав, которые упомянуты в *Сюй* 序 («Предисловиях») к этим двум памятникам, существовали «писания», связанные с божествами Яо

¹³² Благодарю Г.С. Попову за данное уточнение.

¹³³ На это обстоятельство в результате рассмотрения эпиграфических надписей обратил внимание Чэнь Мэнцзя (1911–1966): *Чэнь Мэнцзя*. Шаншу тунлунь (Общее исследование *Шанцзу*). Пекин, 1985. С. 146–170. Развитие этой темы см.: *Allan S. What is a shu*. P. 3–4.

После этой церемонии, некоторые из них могли быть воспроизведены на бронзовых ритуальных сосудах. О связи *шу* с западночжоуской эпиграфикой см.: *Попова Г.С.* Некоторые результаты сравнения текстов *Шуцзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) // *ОГК-ХЛН*. 2012. Ч. 3. С. 40–52. Подробное исследование см.: *Vogelsang K. Inscriptions*. P. 138–209.

и Шунем, мифическими правителями «легендарной Ся», а также историческими правителями государств Шан и Западное Чжоу или их предками¹³⁴. Очевидно, что в составе *Шуцзина* сохранились далеко не все «писания», которые бытовали в храмовой и дворцовой культурных средах Западного Чжоу и Чуньцю, а только те, что прошли многоступенчатый культурный отбор и в этом отношении являются типичными¹³⁵.

а) *Мифические императоры и «легендарная Ся»*. Известны пять *шу*, посвященных Яо и Шуню, и четыре — представителям трех поколений божеств, объединенных традиций в так называемую «династию Ся»: Юю, Ци, Тай-кану, а также походу военачальника времен правителя Ся четвертого поколения¹³⁶. По преданию, «династия Ся» насчитывала 17 правителей, поэтому можно предполагать, что существовали и *шу*, связанные с остальными.

Кроме этого в *Цзочжуань* названы сочинения, которые не вошли в состав современного «Канона [исторических] писаний», но явно имели отношение к этой же категории текстов. Упомянуто два сочинения, содержащих сведения о правителях Ся: В *Цзочжуань* ([090407], 569 г. до н.э.) читаем: «В *Сясюнь* 夏訓 (“Поучения [времен] Ся”) есть такое [высказывание]: “Ююцунский государь И”»¹³⁷. Ниже там же ([090407], 569 г. до н.э.) приведена пространная цитата из другого сочинения, содержание которого относится к той же легендарной эпохе: «В *Юйчжэнь чжичжэнь* 虞人之箴 (“Уве-

¹³⁴ Есть переводы «Предисловия» к Шуцзину, выполненные В.М. Майоровым и Г.С. Поповой, см.: Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В.М. Майорова; Послел. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014; *Попова Г.С.* Проблема происхождения «Предисловий к записям» (*Шу-сюй*) (в печати).

¹³⁵ О его законах и особенностях применительно к античной литературе писал М.Л. Гаспаров: *Гаспаров М.Л.* Литература европейской античности. Введение // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 310–312.

¹³⁶ Об этих *шу* см.: *Попова Г.С.* Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шуцзина* // ОГК-ХЛШ. 2013. Ч. 1. С. 382–392.

¹³⁷ Ю-цун — название племени, которое в мифической традиции относилось ко временам «легендарной Ся». Современные китайские комментаторы считают, что оно было расселено в районе современного города Лоян (см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 938).

Государь И — вождь этого племени. Согласно легенде, И жил во времена сяского правителя Сяна 相, потомка Великого Юя в пятом поколении, став при нем регентом после смерти отца Сяна, правителя Чжун-кана 仲康. Известен как искусный стрелок из лука. В более ранних пластах мифологии выступает как «Стрелок И», сбивший стрелами лишние 8 солнц.

шеваниях зрителя парков и заповедников”), в которых упомянуты Великий Юй и сясский правитель *И-и* 帝夷羿».

б) *Шан*. В *Шуцзине* сохранились 17 «писаний», из них большинство посвящено временам шанских правителей до-государственного периода и 9 — государственного (примерно с 1300 г. до н.э.): о сильнейшем правителе начала истории Шан — У-дине (1253–1195 гг. до н.э.) и о последнем — Ди-сине (1059–1027 гг. до н.э.). Шан было поверженным государством, поэтому важно было показать добродетельность первых его правителей и дискредитировать последних. Поэтому если говорить о У-дине и Ди-сине, то содержание посвященных им «писаний» связано с сугубо сакральной сферой, в первом случае — с описанием знамения, призванного привести к ограничению власти царя, а во втором — знамения, показывающего полное моральное разложение, каковое и привело к утрате монархом «Небесного повеления» на власть. Это показывает, что данные *шу* отражают чжоускую версию «священной истории», но никак не шанскую.

в) *Западное Чжоу*. В *Шуцзине* — 29 «писаний», посвященных западночжоуским ванам, прежде всего — первым, которые еще не были вовлечены столь сильно в борьбу с региональной знатью (У-ван, Чэн-ван, Кан-ван и Му-ван). А одно *шу* посвящено не *вану*, а *хоу* Бо-циню — преемнику Чжоу-гуна в качестве правителя владения Лу, жившему в первые десятилетия Западного Чжоу при Чэн-ване (1024–1005 гг. до н.э.). Таким образом, подавляющее число *шу* относится к чжоускому домену, а одно к владению Лу.

г) *Период Чуньцю*. Судя по составу *Шуцзина*, «писания» продолжали создаваться в период Чуньцю и осуществлялось это в отдельных царствах. Так, в *Шуцзине* сохранились два *шу*, относящихся к этому времени. Первое посвящено Вэнь-хоу из царства Цзинь, правившему при первом чжоуском вана периода Чуньцю — Пин-ване (770–720 гг. до н.э.), а второе — правителю царства Цинь Му-гуну (659–621 гг. до н.э.). Таким образом, традиция сохранила образцы текстов *шу* царств Цзинь и Цинь, а в *Цзочжунь* дважды (543, 514 гг. до н.э.) упомянуты «писания» царства Чжэн — *Чжэн-шу* 鄭書 и приведены короткие цитаты.

Все эти произведения, порожденные храмовой средой периода Западного Чжоу, в период Чуньцю использовались при отправлении различных церемоний. Они были хорошо знакомы не только жрецам, но и придворным, поскольку изучались в «придворной школе» и исполнялись во время церемоний. Об их бытовании в

придворной культурной среде можно судить по сообщениям *Цзочжуань*¹³⁸.

Первоначально «литургические произведения», особенно «поэтические», передавались в устной форме и сохранялись в памяти, поскольку записывать, а тем более переписывать для всеобщего употребления то, что звучало во время религиозных священнодействий, видимо, запрещалось, ибо вело к десакрализации этих текстов. Однако постепенно часть наиболее значимых и часто исполнявшихся произведений все-таки стала записываться и расходиться в нескольких копиях, например для обучения наследника при дворце и членов знатных родов в «придворной школе».

Сочинения, в которых отражена идеология дома Чжоу. Это произведения, которые были порождены в храмовой среде еще периода Западное Чжоу, но в период Чуньцю бытовали, вероятнее всего, в основном в дворцовой среде.

1. Сочинение, которое приписывалось жрецу, выполнявшему функции историографа при западночжоуских правителях У-ване и Чэн-ване (X в. до н.э.), по имени Инь И 尹佚 (*ши* И 史佚): *Ши Инь чжи чжи* 史佚之志 («Записи *ши* И») ¹³⁹. Он являлся одним из столпов западночжоуской идеологии и был прямым предшественником историографов *даши*. В *Шицзи* и *И Чжоу шу* сообщается о том, что именно он во время церемоний, проведенных У-ваном после захвата Шан в 1027 г. до н.э., прочитал по записи на дощечке

¹³⁸ В *Цзочжуань* 39 цитат из различных *шу*. Из них мы видим, что в культуре периода Чуньцю наиболее востребованными были *шу*, относившиеся к западночжоуским правителям и мифическим божествам. Об этом см.: *Попова Г.С. Шуцзин* во второй половине I тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *гувэнь* и *цзиньвэнь* // ОГК-XLIV. 2014. Ч. 1; *Иванов А.Е.* «Цзочжуань» и «Ши цзин»: от цитаты к первоисточнику // ППВ. 2006. Вып. 1 (4).

¹³⁹ В *Шицзи* (раздел «Трактаты», глава «О Небесных узорах») он вместе с Чан Хуном 菴弘 назван астрологом-гадателем (*чжуань тянь шу чжэ* 傳天數者) чжоуского дома. Средневековые комментаторы приписывали ему авторство трех книг: «Тигриной книги» (*Ху шу* 虎書) о белом тигре *цзоулюй* 駝虞, не питающемся ничем живущим, символе доброты и гуманности; «Птичьей книги» (*Ци шу* 禽書) об утке-мандаринке, которая закричала, когда загорелись покои У-вана; в *Ши цзи* утка была заменена вороном; «Рыбьей книги» (*Юй шу* 魚書) о белой рыбе, которая вынырнула из реки в лодку У-вана, когда он переправлялся через Хуанхэ перед нападением на Шан. Это предание описано в *Ши цзи* (глава 4). В *Хань шу* (глава *И вэнь чжи* 藝文志) упомянут труд школы монахов *Инь ши* 尹佚 в двух главах. Он был утерян и восстановлен в цинскую эпоху Ма Го-ханем 馬國翰 (1794–1857) в *Юйханьшань фан цзи* 玉函山房輯佚書 («Собранные [из цитат] утраченные книги, [хранящиеся] в павильоне Юйханьшань», см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 359–360).

обращение к божествам о полной моральной деградации последнего шанского правителя¹⁴⁰. Его труд сохранился в виде цитат в ряде источников: в *Шуцзине*, *И Чжоу шу*, *Хуай-нань цзы* и др., в том числе в *Цзочжуань* — таких цитат шесть. Всем им присуще сильное идеологическое и этическое наполнение.

2. В *Цзочжуань* ([060201], 625 г. до н.э.) упоминается письменный памятник *Чжоу чжи* 周志 («Записи [дома] Чжоу»):

Шэнь сказал: «В “Записях [дома] Чжоу” есть такое [высказывание]: “Если герой причинит вред тому, кто выше его, то не сможет вступить в [зал] Минтан”»...

Исключительно важно, что эта фраза содержится в сохранившемся до настоящего времени письменном памятнике *И Чжоушу* 逸周書 («Неканонизированные писания [дома] Чжоу»), глава *Дакуан* 大匡 («Великое исправление»). В ней говорится о деяниях У-вана в последний год его жизни в 1025 г. до н.э.¹⁴¹

3. Сюда же могут входить и многие другие тексты, включенные в *И Чжоушу*. Они тесно примыкают к «писаниям» (*шу*), но носят не столь ярко выраженный религиозный характер, а связаны с какой-либо сравнительно частной темой. Многие из них привязаны к конкретным имеющим датировку событиям (например, времени правления У-вана).

Клятвы. При храмах старшими жрецами *чжоуши* составлялись документы особого рода — «клятвы» (*цзай шу* 載書), которые приносили представители вассальных родов своим государям. Их текст содержал упоминание ряда исторических фактов и событий и мог в случае необходимости использоваться при составлении

¹⁴⁰ Приведем этот текст в переводе Р.В. Вяткина: «Инь-и прочел [записанное] на дощечке обращение к духам, гласившее: “Последний потомок [династии, правившей в государстве] Инь, младший сын в семье [по имени] Чжоу, пренебрег славными добродетелями прежних *ванов* и отбросил их. [Он] оскорбляя, поносил духов Неба и Земли и не приносил им жертв, утратив разум, жестоко обращался с народом шанской столицы. Это стало ясным [для всех] и было услышано Верховным правителем — Владыкой небес”» [*Сьма Цянь. Исторические записки* (Шицзи). Т. 1. С. 187].

¹⁴¹ В современном варианте текста *И Чжоушу* эта строка записывается несколько иначе (勇如害上, 則不登于明堂). См.: *Хуан Хуайсинь. И Чжоушу* цзяобучжу и («Не включенные в канон писания [дома] Чжоу») с комментарием, дополнительными пояснениями и переводом». Сиань, 1996. С. 187. Минтан (букв. Пресветлый зал) — храм предков правившей в царстве династии, главное место отправления ритуальных действий в рамках основной религии периода Чуньцю — почитания духов предков династии.

«хроник». В частности, в «клятвах» говорилось о том, кто и кому их приносил, указывался повод к этому, упоминались названия храмов предков государей, в которых проходила церемония¹⁴².

Можно предположить, что и упомянутые выше тексты клятв, которые правители царств произносили во время съездов, заключая межгосударственные договоры, также составлялись жрецами этой же категории (*чжужу*).

* * *

Как видим, в храмовой среде существовали свои формы передачи памяти о прошлом. В силу абсолютного приоритета в ней религиозных задач, эта память относилась в основном к «священной истории». Но поскольку храм не был оторван от дворца, в содержании устных и письменных сочинений, порожденных этой средой, большое место было отведено вопросам идеологии высшей власти и задачам подтверждения легитимности династии.

ДВОРЦОВАЯ СРЕДА

Дворец — это сложная культурная среда, в которой сочетались явленный обществу консерватизм и тщательно скрываемое стремление к развитию. В культурном пространстве всего царства эта среда занимала срединное положение, располагаясь между «храмом» и «общиной»; при этом она вбирала в себе отдельные черты и той и другой, и перерабатывала их по своим законам¹⁴³. В ней память о прошлом была связана не только и не столько со «священной историей», сколько с «реальной историей», а именно

¹⁴² Чуньцо Цзочжуань чжу. С. 1731. Образцы текстов нескольких разновидностей клятв V в. до н.э. (ок. 475–458 гг. до н.э.) такого рода известны благодаря эпиграфическим находкам на памятнике Хоума, расположенном недалеко от столицы царства Цзинь. Это в основном клятвы, которые были принесены представителями родовой знати своему патрону — главе одного из господствовавших в царстве Цзинь родов. См.: *Ульянов М.Ю., Халтурина П.В.* Эпиграфический массив царства Цзинь из Хоума (V в. до н.э.): общее описание в историко-археологическом контексте // ВЭ. 2014. Вып. 7.

¹⁴³ Можно заметить, что на пересечении «дворца» и «общины» также возникала своя субсреда, в которой в период Чуньцо бытовали только устные произведения. По-видимому, сфера наложения «дворца» и «общины» в царствах субтропиков бассейна Янцзы (Чу, У, Юэ) была несколько больше, чем в царствах умеренного климата бассейна Хуанхэ.

с накоплением исторического опыта в прагматических целях (для качественного управления и ведения хозяйственной деятельности, эффективного участия в политической борьбе, результативного ведения войн и пр.).

Число людей, активно использовавших данные об историческом прошлом, здесь было несоизмеримо больше, чем в иных культурных средах. К ним относились и сам правитель, и его наследники, а также вовлеченные в политический процесс ближайшие родственники по женской линии, представители младших ветвей правящей династии и некоторых знатных родов, занимавшие высшие гражданские и военные должности. Их культурный багаж формировался во многом на основе постулатов «священной истории», а социальный опыт — из знания «реальной истории» о деяниях и поступках политических деятелей прошлого, понимания причин принятия тех или иных решений и их последствий. Но сами они письменных произведений не создавали.

Устные и письменные произведения порождались в разных сегментах дворца. При дворе создавались некоторые устные произведения песенного характера: «оды», исполнявшиеся во время торжественных церемоний; различные песни (в том числе исторические и героические), исполнявшиеся во время придворных мероприятий. При дворе возникали произведения, предназначенные не только для декламации, но и для прочтения. Здесь и в «придворной школе» могла осуществляться запись храмовых текстов («гимнов», «писаний» и др.), в ходе которой бывшие литургические сочинения получали форму литературных произведений¹⁴⁴. Весьма вероятно, что в конце периода Чуныцю они попадали в «философскую школу» именно из дворцовой среды и именно в этом, измененном, виде.

¹⁴⁴ Это был процесс аналогичный тому, который в то же время шел в Древней Греции. О нем А.А. Тахо-Годи писала так: «Однако всё, что мы знаем о гимне, его исторически сложившихся типах, связано главным образом уже не с ритуальным, а с литературно оформленным гимном, то есть с одним из жанров греческой поэзии. Нам известны некоторые разновидности гимнов, обращенных к тем или иным богам и предназначавшихся для религиозных или вообще торжественных церемоний. Исконная сакральная форма их неизвестна, за исключением нескольких редчайших фрагментов, и они, эти древние гимны, претерпели уже поэтическую обработку и предстают совсем в ином, модифицированном, виде. Но именно это вхождение гимна в сферу литературного творчества сохранило, с одной стороны, его устойчивую форму, а с другой — способствовало и созданию новых форм в связи с развитием литературного процесса» (*Тахо-Годи А.А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988. С. 6.*)

Дворцовая канцелярия производила различную документацию, которую составляли служащие среднего звена. Диапазон их возможностей с точки зрения сохранения исторической памяти был сравнительно невелик, а составлявшиеся ими тексты, даже если это были записи произнесенных речей, приказы с перечислением заслуг и т.п., не могли удовлетворить всех потребностей двора в знании о прошлом. По этой причине длительное время сохранялось влияние храмовой среды. Однако с самого начала периода Чуньцю, когда в условиях полицентризма политическая ситуация значительно усложнилась, заметно возросла потребность в знаниях именно «реальной истории», что стимулировало процесс порождения специальных исторических сочинений.

1. Двор

Официальное историописание: «хроники»

Основным видом исторических произведений, которые порождала дворцовая культурная среда, являлась «хроника». Под «хрониками» мы понимаем те произведения, которые возникали при последующих правлениях на основе «анналов», если при перепиывании «анналов» в них были внесены какие-либо изменения¹⁴⁵. «Хроники», как и «анналы», представлены отдельными сочинениями. Прежде всего это *Чуньцю* («Весны и осени») — несколько переработанная в рамках основанной Конфуцием «философской школы» «хроника» царства Лу¹⁴⁶. К числу «хроник», на наш взгляд, также можно отнести записи об истории царства Цзинь периода Чуньцю из *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст», раздел 5). Фрагменты «хроник» обнаруживаются в «комментирующем комплексе» *Чуньцю Цзочжуань*, а также в главах труда Сыма Цяня, посвященных истории различных царств, из

¹⁴⁵ Заметим, что «анналы» давно минувших правлений, по-видимому, надежнее могли сохраняться именно во дворце, а не в храме, поскольку в последнем после выхода за сроком давности из религиозного оборота они могли подвергнуться ритуальному уничтожению или погребению, а их сведения могли сохраниться там, только став частью «священной истории» (например, войдя в состав «литургических произведений»).

¹⁴⁶ Исследования Д.В. Деопика и А.М. Карапетянца подтвердили, что в основе *Чуньцю* лежал текст «хроники» царства Лу, и искажения при редактировании не были столь значительными, чтобы говорить о создании принципиально нового памятника (Деопик Д.В. Опыт количественного анализа; Карапетянц А.М. «Чуньцю» и древнекитайский „историографический“ ритуал»).

раздела *шицзя* («Наследственные дома»)¹⁴⁷. Кроме того, в «Исторических записках» Сыма Цяня содержится упоминание «хроник» царства Цинь — *Цинь цзи* 秦記 («Записи о Цинь»), которая, по мнению специалистов, легла в основу текста соответствующей главы¹⁴⁸.

О перерастании «анналов» в «хронику»: политический аспект. Появление «хроник» — важнейшая тенденция историописания эпохи полицентризма (Чуньцю-Чжаньго), для которой был характерен отход от установленных норм и правил во имя политической целесообразности. Однако реализовалась эта тенденция, по-видимому, не во всех царствах. В некоторых из них, например в консервативном домене чжоуского вана, строго велись «анналы», а вот в царствах, где велась ожесточенная политическая борьба за высшую власть, возникновение «хроник» было неизбежно¹⁴⁹. В период Чуньцю в каждом царстве политический процесс имел свою специфику. В одних старые династии утрачивали власть и к власти приходили младшие ветви тех же родов (царство Цзинь) или новые рода (царство Ци), в других — несколько групп региональных элит вели борьбу за контроль над высшей властью (царство Лу). Независимо от этого, важнейшим приемом политической борьбы оставалась дискредитация противников, поэтому, когда к власти приходила иная линия правящего рода, государи проигравшей линии должны были подвернуться явной или скрытой дискредитации. Да и в обычных условиях возникала необходимость доказать право на престол каждого нового государя и подтвердить преемственность. Если ее нельзя было поставить под сомнение, то следовало показать, что ход предшествующего правления был безупречным. И напротив, если преемственности не было (например, в результате переворота к власти пришла другая ветвь правящего рода), то нужно было документально подтвердить, что предыдущий правитель не воспринял предостережений Неба и вполне закономерно в результате собственных ошибок утратил власть. Таким образом, по-

¹⁴⁷ Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты. С. 48–50.

¹⁴⁸ Сведения о ней подробно рассмотрены: Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. С. 205–215.

¹⁴⁹ О понимании термина «политическая борьба» применительно к истории Древнего Китая см.: Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // ОГК-XLIV. М., 2014. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 44, вып. 15).

явление «хроник» было вызвано логикой развития политического процесса.

Диапазон сведений «хроники» был шире, чем «анналов». Для них характерна большая детализация информации, и в них больше сообщений о событиях в других царствах¹⁵⁰. Говоря о структуре «хроник», можно предположить, что, в отличие от «анналов», «хроники» начинались с предыстории — изложения некоторых событий, основными действующими лицами которых были божества, легендарные или исторические родоначальники правившей династии. Судя по *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковым анналам. Древний текст»), «хроника» царства Цзинь начиналась с мифических времен. А *Чуньцю*, «хроника» царства Лу, судя по сообщению *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.), начиналась с основоположника правившей в Лу династии — жившего в конце XI в. до н.э. Чжоугуна, брата первого правителя Западного Чжоу У-вана (1037–1025 гг. до н.э.), регента при втором правителе Чэн-ване (1024–1005 гг. до н.э.)¹⁵¹. Этим луская «хроника» того времени отличалась от известного сейчас канонического памятника с таким же названием, сообщения которого начинаются с 722 г. до н.э.

О перерастании «анналов» в «хронику»: текстологический аспект. По мере смены правителей «анналы» отдельных правлений накапливались, наиболее старые планки ветшали, становились трудночитаемы и могли быть утрачены, поэтому возникала потребность в *сохранении* самого текста, прежде всего сообщений о наиболее значимых в истории царства событиях. Для того, чтобы

¹⁵⁰ Проведенное Д.В. Деопиком исследование текста *Чуньцю* позволило составить представление о содержании «хроники» периода Чуньцю, см.: *Деопик Д.В.* Опыт систематизации; *Он же.* Гегемония и гегемоны; *Он же.* Государство Ци; *Он же.* Исторический контент-анализ; *Он же.* Некоторые тенденции; *Он же.* Опыт количественного анализа.

Все виды событий перечислены в: *Деопик Д.В.* Некоторые тенденции. Здесь же рассмотрены события, вошедшие в группу «внешняя политика», в частности имеющие отношение к «съездам» и «клятвам» правителей царств. Отдельно Д.В. Деопиком были рассмотрены сообщения, связанные с «военными действиями», которые предполагали упоминания событий тринадцати видов: войн, осад, постройки крепостей, походов и т.п., см.: *Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа.

¹⁵¹ См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1226. Чжоугун являлся одной из центральных фигур в истории становления западночжоуской государственности. Ему приписывалось создание устоев чжоуского общества и формирование основ политической культуры (см. главу 33 «Наследственный дом луского Чжоугуна» труда Сыма Цяня).

определить их состав, следовало произвести *отбор*. Это было неизбежно еще и потому, что «хроники», в отличие от «анналов», предполагали интегральную оценку каждого правления с учетом результатов политической борьбы. Поэтому после смерти каждого правителя, независимо от того, была преемственность власти или нет, в рамках процесса сохранения исторической памяти возникала потребность в *осмыслении* минувшего правления и его результатов. Решение этой задачи предполагало соотнесение деяний правителя и реакций на них Неба (знамений, стихийных бедствий и т.п.). Это могло быть сделано путем указания «знамений» — особым образом переосмысленных необычных природных явлений и стихийных бедствий, случившихся перед или после наиболее значимых событий.

Представим возможную **текстологическую модель** перерастания «анналов» в «хроники» в периоды Чуньцю и Чжаньго. Указанные задачи (*сохранение, осмысление, отбор*) предполагали *переписывание* текста. При переписывании текст либо воспроизводился буквально, либо подвергался некоторым трансформациям: *добавлениям, коррекции, сокращениям*.

Добавления были вызваны необходимостью отразить наиболее судьбоносные события прошедших правлений, увязав их с основными постулатами идеологии текущего правления. В качестве дополнительных источников использовались различные документы, например «указы» о пожаловании наград представителям знати, официальные «уведомления» (*гао*) из других царств и др. Так, в *Цзочжуань* ([010104], 722 г. до н.э.) есть сообщение о том, что в «анналы» царства Лу не было записано о нападении на одно из царств, поскольку оно не прислало соответствующего «уведомления», однако позже этот факт все-таки был включен в «хронику».

При переходе от «анналов» к «хронике» следовало делать некоторые *коррективы*. Например, слово *гун*, которое в «анналах» использовалось для обозначения правящего государя, должно было быть заменено на его посмертный храмовый титул (Сян-гун, Вэнь-гун и т.п.), то же и с обозначением правителей других царств¹⁵².

Опусkaliсь те сообщения, которые не соответствовали идеологической концепции текущего правления. Поскольку обстоятельства

¹⁵² Об этом см.: *Гребнев Г.А.* Формирование системы посмертных имен в древнем Китае по данным письменных источников // *Синологи мира* к юбилею Ст. Кучеры: Собр. тр. М., 2013.

внутриполитической борьбы неизбежно влияли на отбор материалов для «хроники» из «анналов» и других источников, с каждым новым правлением происходила концептуализация представлений о прошлых правлениях. И наибольшим сокращениям подвергались те сведения, которые воспринимались как избыточные, особенно при переписывании сообщений о наиболее ранних правлениях.

В результате постоянной переработки «хроники» наполнялись идеями и смыслами разных периодов истории царства, которые могли быть распознаны подготовленным читателем. По-видимому, именно наличием таких скрытых идей *Чуньцю* могло привлечь внимание Конфуция и других учителей «философских школ», которые в свою очередь вкладывали (или «вчитывали») в текст и свои идеи. Благодаря этому и в более поздние времена «хроники» оставались излюбленным чтением интеллектуалов¹⁵³.

О понятии «чуньцю». Поскольку слово *чуньцю* встречается в названиях исторических произведений, то возникает вопрос: как связаны понятия «хроника» и *чуньцю*? По мнению К.В. Васильева, постепенно «сочетание *чунь-цю* превращается в *terminus technicus* для многочисленных местных хроник»¹⁵⁴. Конкретизировав и сузив понимание значения слова «хроника» как термина, мы можем уточнить этот вывод. *Чуньцю* — многозначное понятие, использовавшееся в периоды Чуньцю — Восточная Хань для обозначения различных произведений, в которых преобладали данные о прошлом.

а) В период Чуньцю так называлась «хроника» царства Лу. Из уже упоминавшегося сообщения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) узнаем, что посол правителя царства Цзинь по имени Вэй Сюань-цзы, находясь в царстве Лу, «осмотрел книги господина историографа (*даши ши* 大史氏)» и, увидев среди них *Чуньцю*,

¹⁵³ Эта специфика бытования *Чуньцю* в традиционной культуре сохранялась на протяжении всей китайской истории. Интересное свидетельство оставил учившийся в традиционной китайской школе российский синолог В.С. Колоколов (1896–1979) о связи организации текста *Чуньцю* с гексаграммами «Книги перемен». Он также писал: «Лаконичный текст самой книги „Чунь цю“, без комментариев, предназначался к тому, чтобы с самого начала будить мысль к нахождению причинно-следственной связи в исторических фактах, а затем, поднимаясь выше в гносеологии, научиться прогнозировать разворачивание тех или иных событий, опираясь на синтезируемые этапы развития исторического процесса...» [*Колоколов В.С.* Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М., 1979. Т. 1. С. 100].

¹⁵⁴ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91.

сказал: «Чжоуские ритуалы полностью выполняются только в Лу! Я только сегодня постиг добродетель (дэ) Чжоу-гуна и то, благодаря чему смогли состояться *ваны* [Западного] Чжоу»¹⁵⁵.

б) В периоды Чуньцю и Чжаньго так называли *категорию* исторических произведений. Так, сочинение с таким названием в период Чуньцю содержалось в книгохранилище царства Чу. В *Гоюй* сообщается, что, знакомя наследника царства с этим произведением, его наставнику следовало «восхвалять добро и порицать зло, чтобы этим вселить в его сердце осторожность и усердие»¹⁵⁶. А в сочинении периода Чжаньго *Мэн-цзы* (гл. 8), которое приписывается мыслителю Мэн Кэ (ок. 372–389 гг. до н.э.), есть такое сообщение:

Мэн-цзы сказал: «Когда следы [деяний] *ванов* исчезли, тогда и песенные произведения (*ши* 詩) были преданы забвению. После забвения песенных произведений стали составляться *чуньцю* (хроники. — М.У.). *Шэн* 乘 — [царства] Цзинь, *Тао-у* 樛杻 — [царства] Чу, *Чуньцю* — [царства] Лу едины. [По содержанию] — в них [упомянуты] деяния [гегемонов] Хуань-[гуна царства] Ци, Вэнь-[гуна царства] Цзинь, по стилю — это повременные записи (*ши* 史)»¹⁵⁷.

В начале западноханьского времени еще сохранялись *чуньцю* некоторых царств. Например, в *Шицзи* в послесловиях к разным главам Сыма Цянь не раз приводит цитаты из *Чуньцю*, которой он пользовался, или сообщает о содержании отдельных фрагментов. Например, в послесловии к главе 1 читаем:

Я просматривал *Чуньцю* и *Гоюй*, в них ярко раскрыты добродетели Пяти Императоров. А родословия Владык распределены по фамилиям! И пусть я еще не глубоко изучил их, но всё, что в них выражено и показано, отнюдь не пустая выдумка¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1226.

¹⁵⁶ Гоюй (Речи царств). С. 245–246.

¹⁵⁷ Мэн-цзы цзичжу (Мэн-цзы с собранием комментариев) / Сышу цзин. Пекин, 1996. Т. 1. С. 63; Мэн-цзы / Пер. с кит., указат. В.С. Колоколова. СПб., 1999. С. 120–121. Заметим, что природа названий произведений разная. *Чуньцю* — состоит из названий двух сезонов: весны и осени; *шэн* — многозначно, это букв. «колесница», «одерживать военную победу» и др., а *Тао-у* — в древнекитайской мифологии божество, считавшееся внуком Хуан-ди (Желтого император) — верховного бога *хуася*, сын Чжуань-сюя. Обратим внимание и на то, что слово *ши* 史 в сочинении периода Чжаньго используется в новом для себя значении, нехарактерном для периода Чуньцю.

¹⁵⁸ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 1. С. 149.

Или в послесловии к главе 31 записано:

Я читал старые *чуньцю* и из них узнал о том, что владение Юй, [расположенное среди] срединных царств, и владение Гоу, [расположенное среди] цзинских *маней*, были связаны братскими [узами]¹⁵⁹.

Из приведенных цитат видно, что содержание этих *чуньцю* выходило за рамки «хроник» как таковых, они включали в себя, например, еще и некоторые обобщения идеологического характера.

в) В конце Чжаньго и на протяжении Хань это понятие имело более широкое значение — так называли не «хроники» как таковые, а различные по жанру сочинения, основу которых составляли сведения из истории. Это слово встречается в названии ряда памятников общественной мысли периода Чжаньго: *Люйши чуньцю* («Вёсны и осени господина Люя»), *Яньцзы чуньцю* («Вёсны и осени господина Яня»), гражданская война 209–202 гг. до н.э. была описана в утраченном памятнике *Чу Хань чуньцю* («Вёсны и осени [владений] Чу и Хань»). В Восточную Хань (25–220 гг. н.э.) был создан памятник *У Юэ чуньцю* («Вёсны и осени [царств] У и Юэ»).

Таким образом, если «хроникам» как таковым была присуща краткая форма записи, предполагавшая только название события, то содержание произведений исторического характера, которые называли *чуньцю*, было шире. Они включали в себя данные иного плана, например некоторые идеи общего характера, сведения о родстве и др.

Другие письменные произведения

При дворе государей царств хранились и использовались произведения разных жанров, подавляющее большинство которых так или иначе были связаны с историей. Некоторые из них упомянуты в различных источниках, прежде всего в *Чуньцю Цзочжуань*, *Гоюй* и *Шицзи*. Так в *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211), в сообщении о царстве Чу времен правления чуского Чжуан-вана (613–591 гг. до н.э.), перечислены девять произведений, которые хранились в придворной библиотеке и использовались для воспитания наследника

¹⁵⁹ Там же. Т. 5. С. 38, 228. Цзин 荆 — еще одно название царства Чу, расположенного на Средней Янцзы. Мань 蠻 — общее название различных народов (вьет-мыонгских, хмонг-миенских, пара-тайских), живших к югу от этнических китайцев (сино-тибетцев). Соответственно, здесь имеются в виду хмонги (кит. мяо) — основное население царства Чу.

престола (см. Приложение)¹⁶⁰. А из уже не раз упоминавшегося сочинения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) можно узнать о сочинениях, которые хранились у историографа *даши* царства Лу и др. Систематизируя эти и другие данные, попытаемся представить, как мог выглядеть репертуар письменных произведений и документов, доступных при дворе в период Чуныцю.

Генеалогии, которые велись при дворе. В период Чуныцю «родословия» (*ши* 世) велись при дворах правителей царств и знати разного уровня. В столице, как уже говорилось, учет предков династии и правителей прошлого велся в храме, а вот учет кланов родственников династии (аристократии) и подданных из числа знатных и влиятельных столичных и локальных родов велся, по видимому, именно при дворе. Очевидно, что задачи придворных должностных лиц отличались от задач жрецов тем, что первые решали сугубо светские задачи двора в отношении контроля за высшей знатью. О том, как они выглядели, отчасти можно судить по сохранившимся цитатам и извлечениям из сочинения *Шибэнь* 世本 («Основы родословий»), которые сохранились в раннесредневековых комментариях к «Историческим запискам» Сыма Цяня. Согласно *Гоюй*, наставник, знакомя чуского наследника с генеалогиями, должен был «прославлять обладавших блестящими добродетелями, и отвергать тупых и невежественных, чтобы в своих действиях он стремился подражать [добродетельным] и испытывал перед ними благоговение»¹⁶¹.

Из *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) узнаем, что в период Чуныцю при дворах высокопоставленных вельмож *цинов* за ведение родословий отвечали специальные лица: *цэши* 側室, которые вели генеалогические списки членов клана, уясняли степени родства, отделяли боковые линии от прямых. А при дворах правителей отдельных владений *дафу* генеалогические списки вели *эцзун* 貳宗, которые определяли последовательность и порядок наследования сыновей и их потомков¹⁶².

Песенные произведения. Это исполнявшиеся во время дворцовых церемоний песенные произведения церемониального характера. Стоит упомянуть торжественные песнопения (оды), которые включали восхваления деяний правителей прошлого и настоящего,

¹⁶⁰ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91.

¹⁶¹ *Гоюй* (Речи царств). С. 245–246.

¹⁶² Чуныцю *Цзочжуань* чжу. С. 94; Чуныцю *Цзочжуань*. Комментарий Цзо. С. 101.

а также «песни», исполнявшиеся во время различных торжественных мероприятий, обращенные как к царю, так и к отдельным вельможам или всем участникам: застольные, величальные, героические, назидательные, порицающие, увещательные и др. Представление о них можно составить на основе *Шуцзина* и цитат в письменных источниках. Критерий их выделения — поэтический зачин (образ, метафора, параллелизм).

При дворе исполнялись и те произведения, которые создавались за пределами двора в «общинной» культурной среде и записывались в «дворово-храмовой» субсреде. Это упомянутые в *Цзочжуань* (за 655 и 517 гг. до н.э.) и *Гоюй* песни *Туньяо* 童謠 (букв. «детские песенки»), в которых так или иначе отражалась повседневная ситуация.

Речи нерелигиозного характера. К числу важных документов внутридворцового политического обихода можно причислить «Речи» (*Юй* 語) — образцы выступлений правителей и их приближенных, связанных с обсуждением государственных дел. Этим они отличались от сакрально значимых «речей», включенных в тексты «писаний» (*шу*), которые составлялись от лица правителей.

Судя по данным источников, ранее, в период Западное Чжоу, записывались речи правителей и их приближенных (например, Чжоу-гуна — регента при Чэн-ване). Поскольку изначально это осуществлялось в храмовой среде, речи принимали формат «писаний» (*шу*) и не требовали исторической достоверности, имея сугубо религиозное и идеологическое предназначение (речи Вэнь-вана и У-вана). В начале периода Чуньцю выполнение этой задачи, по-видимому, переместилось в храмово-дворцовую среду (последние три «писания» из *Шуцзина*, часть «писаний» из *И Чжоушу*)¹⁶³. А в течение периода Чуньцю названная задача естественным образом перетекла в дворцовую среду. О том, как выглядели речи периода Чуньцю, можно узнать из *Гоюй* («Речи царств»), а также из «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* и из глав раздела *шицзя* («Наследственные дома») сочинения Сыма Цяня «Исторические записки». Теперь это были речи не только и не столько царей, сколько придворных специалистов, отражавшие их точки зрения по конкретным вопросам, касавшимся разных сфер

¹⁶³ Тексты, собранные в *И Чжоушу*, в отличие от созданных в храмовой среде «писаний» (*шу*), включенные в *Шуцзин*, были уже не столь религиозны, но и еще не носили столь светского характера, как речи *Гоюя*.

внутренней и внешней политики. Правители же в них в основном только задавали вопросы. А поскольку речи были по преимуществу обращены к царям, в них преобладала этическая составляющая, характерная для увещаний (*цзянь* 諫) как приемлемой формы обращения к высоким персонам. Позже эта их сторона была многократно усилена в «философской школе».

Сочинения о прошлом.

1. В *Цзочжуань* ([060607] 6-й год Вэнь-гуна, 621 г. до н.э.) трижды упомянуто сочинение *Цяньчжи* 前志 («Записи о прошлом») и приведены цитаты из него. В одной из них читаем:

Юй Пянь сказал: «Не следует. Я знаю, что в *Цянь чжи* (“Записи о прошлом”) есть такое высказывание: “Платить врагу добротой за причиненное врагом зло, не переносить [ненависть] на потомков [врага] — таков путь преданности [своему государю]”»¹⁶⁴.

2. В царстве Чу при дворе хранилось сочинение, которое называлось *Гу чжи* 故志 («Древние описания») — некие повествования о прошлом, в которых говорилось «о владениях павших и возвысившихся».

Произведения, в которых излагались нормы придворных и религиозных церемоний. В *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211) среди книг, рекомендованных для воспитания наследника, упомянуты сочинения: *Ли* 禮 («Церемонии») — руководства по проведению дворцовых и религиозных церемоний («Обучайте его “Церемониям”, чтобы он знал различия между высшими и низшими»), а также *Юэ* 樂 («Музыка») — то же относительно их музыкального сопровождения («Обучайте его “Музыке”, чтобы смыть [душевную] грязь и искоренить легкомыслие») ¹⁶⁵.

В *Цзочжуань* ([061809], 609 г. до н.э.) кроме того упомянуто приписываемое западночжоускому Чжоу-гуну специализированное

¹⁶⁴ Чуньцо Цзочжуань чжу. С. 552.

¹⁶⁵ Гоюй (Речи царств). С. 245–246. Можно предположить, что в канонизированных *Лицзи* («Записях о ритуалах») собраны отдельные *ли*, созданные в разное время (как в до-западноханское, так и в западноханское) и в разных культурных средах, преимущественно, видимо, в дворцовой. Их атрибуция — большая научная задача. Что касается *Юэ*, то в *Лицзи* есть глава *Юэцзи* («Записи о ритуалах»), которая позволяет составить некоторое представление о возможном содержании данного сочинения. Ее перевод см.: Рубин В.А. «Записки о музыке» («Юэ-цзи») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999. С. 294–307. Часть этого сочинения, возможно, вошла в «Трактат о музыке» в «Исторических записках» Сыма Цяня (глава 24): Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. 4. С. 70–99.

сочинение *Чжоули* 周禮 («Чжоуские церемонии») и приведена цитата из него:

Прошлый наш государь, Чжоу-гун, составляя «Чжоуские церемонии» (*Чжоули*), изрек: «Если через [нормы поведения] рассматривать добродетель (дэ), то благодаря добродетели вершатся дела; если благодаря деяниям измерять заслуги, то благодаря заслугам осуществляется жизнеобеспечение народа»¹⁶⁶.

Заметим, что данное произведение упомянуто в речи именно историографа *даши* (из царства Лу по фамилии Кэ 克).

Сочинения о военном искусстве. В *Цзочжуань* трижды упомянуто сочинение *Цзюнь чжи* 軍志 («Трактат о ратных делах»). В одной из цитат ([071203], 597 г. до н.э.) говорится:

В «Трактате о ратных делах» есть такое [высказывание]: «Оказавшись раньше перед врагом, можно разрушить его замыслы». Так сблизимся же с ними¹⁶⁷.

Данная цитата приведена в контексте диалога между военачальниками царства Чу как теоретическое подкрепление тактики начала боя с равным по силе противником — лучше первым сблизиться с противником, чем позволить ему проявить инициативу.

2. Придворная канцелярия: документы

При дворе порождались свои специализированные тексты — «документы» (*дянь* 典). В них содержались исторические сведения, которые могли быть использованы при составлении «хроник» для дополнения данных «анналов», а также при составлении других специализированных исторических и неисторических произведений.

Благодаря созданию этих документов и их хранению в архиве придворная бюрократия также вносила свой вклад в сохранение исторической памяти. Это *иньши* 尹氏 — «начальник канцелярии» правителя и подчинявшиеся ему *нэйши* 内史 — «секретари дворцовой канцелярии». Они относились к числу высших должностных лиц царства. В число обязанностей *нэйши* и его подчиненных

¹⁶⁶ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 623–624. На наш взгляд, данное сочинение периода Чуньцзо не имеет прямого отношения к одноименному сочинению конца Западной Хань. Хотя оно могло «передать» ему свое название (см.: Ульянов М.Ю. «Историографы» даши. С. 16).

¹⁶⁷ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 739.

входило составление повелений, связанных с инвеститурой, назначениями и пр. (например, *Цзочжуань* ([052808], 632 г. до н.э.)¹⁶⁸, выполняли они и ответственные посольские функции, например, когда дело касалось сакральной сферы (*Цзочжуань*: 662, 649, 644, 626, 563 гг. до н.э.).

Кроме того под началом *нэйши*, по крайней мере в царстве Цзинь, были *цзоши* 左史 (букв. «левый *ши*»), которые выполняли различные канцелярские обязанности¹⁶⁹. В *Гоюй* упомянут тот же *цзоши* из царства Чу, что и в *Цзочжуань*, по имени И Сян 倚相. Кроме того, в сообщении *Цзочжуань* (550 г. до н.э.) о царстве Лу упомянут *вайши* 外史 (букв. «внешний *ши*») как ответственный за хранение клятв (*мэн* 盟), которые приносили государю царства подвластные ему правители отдельных владений. В источнике сообщается о том, что по запросу одного из влиятельных представителей придворной знати он дал справку о содержании начальных строк этих клятв¹⁷⁰.

В «анналах» могло быть запечатлено содержание только небольшой части «документов», остальные хранились и использовались уже при составлении «хроник» и, в случае их сохранности, — «летописных материалов». Назовем документы придворной канцелярии, которые сохранялись и, вероятнее всего, переписывались при дворах правителей царств периода Чуньцю.

Документы внутригосударственного оборота. В источниках упомянуты следующие документы: «повеления» (*мин* 命), «пожа-

¹⁶⁸ Там же. С. 463.

¹⁶⁹ Но следует отметить, что в их число ведение погодных записей не входило. Тем не менее в научной литературе часто приводится фраза из *Ли цзи* («Записи о ритуалах», раздел *Юйцзао* 玉藻 «Нефритовые нити»), в которой упоминаются и *цзоши*, и некие *юши* в качестве историографов: «Когда были совершены действия, то их записывал *цзоши*, когда были произнесены речи, то их записывал *юши*» (動則左史書之, 言則右史書之). См.: Ли цзи // Сышу уцзин. II. 1985. С. 165.

Однако должность *юши* 右史 (букв. «правый *ши*») в *Цзочжуань*, *Гоюй* и других доханьских источниках не упоминается. Стремление создать пару *цзоши* — это признак искусственного конструирования идеальной модели в последующие эпохи. Поэтому не удивительно, что в аналогичном высказывании в труде восточноханьского историка Бань Гу (32–92 гг. н.э.) *Хань шу* («История [империи] Хань», глава *Ивэньчжи* 藝文志 «Описания [произведений конфуцианской] классики и [остальной] литературы») они переставлены местами: «*Цзоши* записывают речи, *юши* записывают деяния. Из [записанных] деяний возникла *Чуньцю*, из [записанных] речей возникла *Шан шу*» (左史記言, 右史記事, 事為春秋, 言為尚書. См.: Бань Гу. Хань шу («История [империи] Хань»). Пекин, 1962. С. 1715).

¹⁷⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1083.

лования наград» (*шан* 賞), «воззвания» (*чжао* 召). Известно, что «повеления» правителей царств составлялись и хранились в их резиденции (*зунфу* 公府). Также известны собрания образцов официального делопроизводства «Указы» (*Лин* 令) и «Своды установлений» (*Сюнь дянь* 訓典), которые содержались в дворцовом книгохранилище. В *Гоюй* сказано, что изучение таких сводов позволит наследнику узнать об «относящихся к одному клану и действовать, сообразуясь с долгом»¹⁷¹. Вероятно, в этих подборках сохранялись документы прошлых правлений, в которых отражались взаимоотношения между государями и подвластными им кланами и родами высшей родовой знати.

Тематика указов была исключительно широка. В *Цзочжуань* упомянуты «повеления» государей отдельных царств, связанные с ведением военных действий: об их начале, о назначении военачальников ([052705], 633 г. до н.э.), о доставке продовольственной помощи ([051305], 647 г. до н.э.), об отправке посла ([052401], 636 г. до н.э.), о даровании посмертного храмового титула (*ши*) и наследственной фамилии (*цзу*) представителям знатных родов своего царства ([010810], 715 г. до н.э.), о пожаловании владения наследнику царства ([010103], 722 г. до н.э.) и др.

Документы внешнеполитического оборота. К числу таких документов относились «договоры о союзе» (*мэн* 盟), которые держали текст клятв, условия договора и заверения сторон. Они составлялись и оглашались во время церемонии заключения правителями нескольких царств межгосударственных соглашений о совместных действиях. Известно, что такие договоры-клятвы сохранялись при дворе в «хранилищах [договоров] о союзе» (*мэнфу* 盟府); возможно, там же хранились и упомянутые выше внутриполитические «клятвы» (или их копии)¹⁷².

Как уже говорилось, при дворе собирались и хранились документы, присланные из других царств. Это были: 1) повеления чжоуских ванов; 2) «извещения о смерти» (*фу* 赴) государей других царств и их родственников и 3) «уведомления» (*гао* 告). Все они

¹⁷¹ Гоюй (Речи царств). С. 245–246.

¹⁷² См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 273; Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 308. В историографии высказывались предположения о том, что в *мэнфу* могли храниться также и «хроники» царств, и это было не только хранилище, но и учреждение, где составлялись различные документы (тексты «хроник», «указов», «клятв» и пр.). И то, и другое, на наш взгляд, является дискуссионным (см.: *Карпатьянц А.М.* У истоков. С. 437–438).

являлись основным источником информации о событиях в других царствах.

Первые рассылались из чжоуского домена в царства, в которых правили члены правящей в чжоуском мире династии Цзи. В *Цзочжуань* есть примеры повелений чжоуских ванов в отношении государей отдельных царств, которые предписывали выступить в поход против государя другого царства ([010502], 722 г. до н.э.), возвести там на престол одного из претендентов ([020805], 704 г. до н.э.) и др. Союзники старались сообщать друг другу о получении повеления чжоуского вана перед началом похода на другое царство (*Цзочжуань*, [010906], 714 г. до н.э.). Отсутствие упоминания о повелении чжоуского вана в «уведомлении» о вторжении в другое царство могло стать поводом к расторжению дипломатических отношений (*Цзочжуань*, [010906], 714 г. до н.э.).

Вторые и третьи рассылались между отдельными царствами, причем особенно интенсивно между теми, которые являлись членами одного политического союза. Существовали нормы, определявшие время и сроки отправления «извещений», — они должны были быть разосланы сразу после кончины правителя. В *Цзочжуань* показано, что нормы могли нарушаться. На практике между датой смерти и датой отправки «извещения» могло пройти сравнительно много времени. Порой задержка была вызвана политическими причинами¹⁷³. «Уведомления» передавались членами прибывавших посольств в письменном виде или в устной форме (*Цзочжуань*, [010403], 719 г. до н.э.)¹⁷⁴. Такие послы получали инструкцию, что именно надо было сказать (*Цзочжуань*, [071502], 594 г. до н.э.)¹⁷⁵. Если официальное «уведомление» приходило позже положенного срока, на что не было серьезных причин, это могло быть воспринято как неуважение и даже послужить пово-

¹⁷³ Так, когда в самом конце 653 г. до н.э. умер чжоуский Хуй-ван (676–653 гг. до н.э.), его преемник Сян-ван не объявлял траур и, пока не утвердилось его положение на престоле (ранее шаткое из-за конфликта с братом Дашу Даем), не разослал «уведомлений» о проведении траура ни в никакие царства, кроме гегемона — царства Ци ([050707], 653 г. до н.э.). См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 319; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 199.

Поэтому официальное сообщение (*гао*) о проведении траура в царство Лу пришло только в конце 652 г. до н.э. ([050805]). Именно эта дата рассылки официального сообщения и отражена в *Шицзи* (глава 4, «Основные записи [о деяниях дома] Чжоу»). См.: *Сьма Цянъ*. Исторические записки (Шицзи). Т. 1. С. 205.

¹⁷⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 36; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 72

¹⁷⁵ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 759.

дом к началу военных действий (*Цзочжуань*, [031603], 678 г. до н.э.)¹⁷⁶. В «уведомлениях» не только упоминалось о каком-либо факте, но, если он был значим (например, убийство высокопоставленного лица), объяснялись причины произошедшего (*Цзочжуань*, [050502], 655 г. до н.э.)¹⁷⁷.

* * *

В «хронику» царства могли попасть далеко не все сведения этих произведений и документов, но со временем их значимость для сохранения и передачи памяти о прошлом возрастала, и позднее, в период Чжаньго, они стали использоваться при составлении разного рода «летописных материалов» по истории отдельных царств.

3. «Придворная школа»: учебные сочинения

В период Чуньцю весь массив знаний, включая знания об истории, необходимые представителям высших слоев общества, передавался в «придворных школах», которые существовали при дворах царей под их покровительством и попечением¹⁷⁸. Из гимна *Пань шуй* 泮水 (букв. «Полукруглый пруд»), включенного в состав *Шицзина* («Канон песен», раздел «Гимны», гл. 4 «Гимны царства Лу»), известно о «придворной школе» в царстве Лу¹⁷⁹. Из него узнаем, что она имела значительную территорию и располагалась в живописном месте за пределами столицы. Рядом с ней был разбит пруд полукруглой формы, который являлся ее символом. Правители Лу уделяли школе много внимания. В первой строфе как раз описан визит одного из них. Передана картина подъезжающего к школе кортежа: развиваются стяги и звенят колокольчики на ярме.

Как принято думать, в таких школах готовили гражданских и военных специалистов из числа представителей наиболее знатных фамилий. Их обучали тому, что должен был знать будущий царедворец и управленец. Учили основам грамотности: письму, чтению и счету; нормам ритуалов: знакомили с порядком проведения всевозможных религиозных и светских церемоний и правилами придворного этикета; музыке, пению и игре на музыкальных инструментах, в том числе исполнению на них «государственных

¹⁷⁶ Там же. С. 202; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 148.

¹⁷⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 303.

¹⁷⁸ О них см.: История Китая с древнейших времен до начала XXI в. М., 2013. Т. 2. С. 533.

¹⁷⁹ В переводе А.А. Штукина: «Посещение школы». См.: Книга песен. С. 297–299.

мелодий» (*цюй* 曲, *инь* 音); военному делу: обучали стрельбе из лука, управлению боевой колесницей, а также основам военного искусства и пр.

Обучив грамотности, учеников знакомили с основными культурообразующими устными и письменными произведениями, которые использовались в придворной среде (см. Приложение), прежде всего с песенными: «одами», которые исполнялись во время дворцовых ритуалов, «гимнами», которые сопровождали религиозные и какие-либо торжественные церемонии. На основе изучения «писаний» (*шу*) передавались знания о «священной истории», которая сама по себе содержала сильный эмоциональный заряд и ключевые идеи придворной и аристократической этики своего времени. Например, в упомянутом гимне *Пань шу* содержится намек на главку *Шундянь* (раздел *Сяшу* в *Шуцзине*), где идет речь о Гао Яо 皋陶 — судье при мифическом правителе Шуне, имя которого стало нарицательным: справедливый судья, беспристрастный человек. В «придворной школе» передавали сведения и о реальной истории. Для этого использовались «хроники» (аналоги *Чуньцю*), а также, очевидно, развернутые исторические повествования и короткие поучительные истории (своего рода исторические анекдоты). Большой популярностью пользовались «речи», которые служили в качестве образцов при обучении приемам ораторского мастерства¹⁸⁰. Обращение к прошлому, приведение исторического примера, цитата из соответствующего произведения являлись важнейшими приемами убеждения.

* * *

Рассказ о сохранении и передаче исторической памяти был бы неполон без упоминания о «философской школе» и «придворном институте» — новых культурных средах; первая начала формироваться с конца периода Чуньцю, а вторая уже полностью принадлежала периоду Чжаньго. Именно они на новом историческом этапе становились основными с точки зрения сохранения исторической памяти.

¹⁸⁰ Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011. С. 39–41. См. также: Она же. Ораторское искусство // Литература древнего Востока. М., 1962. С. 350–372.

О НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ ПЕРИОДА ЧЖАНЬГО:
«ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ» И «ПРИДВОРНЫЕ ИНСТИТУТЫ»

Представителей придворной знати периода Чуньцю письменные произведения, находившиеся в книгохранилище дворца, интересовали по преимуществу только с прагматической точки зрения. Для них было важно знакомство с политическим опытом предыдущих поколений. Двор не был способен воспринять всё их содержательное многообразие, а тем более преобразовать его в нечто большее. Эта задача легла на «философские школы», а со временем и на своего рода «придворные институты»¹⁸¹. Поскольку они стали массовым явлением в следующий исторический период, Чжаньго, о них целесообразно сказать в отдельной работе, здесь же выскажем несколько общих положений.

Возникновение этих школ было обусловлено тем, что с конца периода Чуньцю в ряде царств, особенно в тех, где сильное влияние на власть оказывали представители столичных (царство Цзинь) и локальных родов (царство Лу), а также там, где к власти пришли иные, помимо Цзи, династии, (например, в царствах Чжао, Вэй, Хань, Ци), и там, где удалось провести модернизационные преобразования (царство Цинь), — везде аристократы утрачивали свои позиции в управлении и на их место приходили представители средней и низшей знати, формировавшие «служилое сословие» (*ши* 士).

В конце периода Чуньцю произошло важнейшее культурное явление — возникли первые «философские школы», которые находились вне двора, но сохраняли с ним определенную связь. И в них были перенесены письменные произведения: и те, что храни-

¹⁸¹ О «философской школе» периода Чжаньго см.: *Позднеева Л.Д.* К проблеме. С. 22–26. Она также называла их «ораторскими школами», см.: *Позднеева Л.Д.* Ораторское искусство. С. 369, 372. О таких школах в их отношении к историописанию см.: *Ульянов М.Ю.* Об этапах историописания. С. 305–306.

Понятие «философская школа» используется в отношении школ конца периода Чуньцю и периода Чжаньго, а школы Западной Хань называют «каноническими». Отличие западно-ханьской школы от более ранних в том, что для них была характерна специализация на каком-либо одном каноне: *Шицзин* («Каноне песен»), *Шуцзин* («Каноне [исторических] писаний») и т.п. И не на создании новых сочинений, а на комментировании канонов. См.: *Корольков М.В.* Сыма Цянь *Шицзи* («Исторические записки»), гл. 121. *Жулинь лучжунань* (Жизнеописание ученых-каноников). Введение к переводу // История Китая. Мат-лы китайских конф. ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007.

лись при дворе, и те, что служили в качестве учебных пособий в «придворной школе» (особенно образцы официального историописания, а также литургические и мантические тексты). Первая из «философских школ», согласно преданию, была создана Конфуцием (551–479 гг. до н.э.). С его именем связано начало традиции отбора и переработки письменных произведений, которая привела к созданию комплекса канонических текстов. В процессе этой переработки литургические и церемониальные сочинения «наполнялись» новыми смыслами — в них вкладывались «философские», например этические, идеи. Наставники толковали и комментировали их содержание, исходя из приоритетов своей школы, а ученики, заучивая их и внимая словам учителей, перенимали заложенный в этих текстах социальный опыт. Этим «философские школы» отличались от «придворных школ», в которых основное внимание уделялось обучению практическим навыкам: проведению церемоний, игре на музыкальных инструментах, стрельбе из лука, управлению колесницей и т.п. Еще одно отличие заключалось в том, что при изучении содержания «песнопений» (*ши*) и «писаний» (*шу*) в «придворной школе» их рассматривали в естественном качестве — прежде всего как литургические произведения, а в «философской» их воспринимали и использовали как своего рода памятники общественной мысли. В «придворной школе» учили придворному этикету, а в «философской» — культуре мышления и нормам поведения, основанным на представлениях об этике и морали нового, не аристократического, а служилого сословия. И там и там изучали порядок проведения церемоний. Но если в «придворной школе» уделялось внимание формальной стороне (например, знанию порядка ритуальных действий), то в «философской» учили использовать их для физического и нравственного самосовершенствования¹⁸².

Когда «хроника» царства Лу *Чуньцю* из дворцовой среды попала в среду «философской школы», был сделан шаг на пути становления неофициального историописания. Чтобы использовать ее в учебных целях, ее текст был подвергнут некоторой переработке, которая, впрочем, не затронула ее форму. Иначе говоря, если *Чуньцю* по форме оставалась «хроникой» царства Лу, то по духу — по

¹⁸² Благодарю А.С. Рысакова, который обратил мое внимание на это обстоятельство. Некоторые различия школ были описаны также Л.Д. Позднеевой: *Позднеева Л.Д.* Ораторское искусство. С. 372.

мере того, как в рамках практики толкований и комментирования учителя наполняли ее текст идеями своей школы, она приобретала иные черты, не присущие произведениям официального историописания. Но для продуцирования этих черт в такой школе не было условий. Поскольку «философские школы» были оторваны от двора, продуктивным в них оказалось только комментирование *Чуньцю* — создававшиеся там произведения относились к сочинениям философской мысли¹⁸³.

«Философские школы», став центрами учености, на некоторое время составили конкуренцию двору. Однако в течение периода Чжаньго на их основе возникла новая, еще более продуктивная культурная среда — своеобразные «институты», которые комплектовались выпускниками различных (!) школ и выходцами из различных царств. Они поступали на службу в качестве клиентов (кит. *бинькэ* 宾客) уже не только к своим царям, но и к чужим, а также к представителям знатных родов (*дафу*) и даже к высокопоставленным вельможам. Например, в конце периода Чжаньго такой «институт» возник при дворе Люй Бувэя, первого министра в царстве Цинь (результатом его работы стал уникальный сводный памятник *Люйши чуньцю*). Тогда книжность вновь вернулась во дворец, но уже в новом качестве. Если в «философской школе» на первом месте стояли образовательные задачи и велось комментирование канонов, то в этих «институтах» систематизировали и переосмысливали культурные достижения прошлых эпох; здесь шло собирание, упорядочивание, компилирование и комментирование письменных произведений прошлого. Происходило накопление и расширение конкретных знаний. Там же создавались новые сочинения, например «философские» трактаты, диалоги, притчи, поучения и пр. Как и в других культурных средах, здесь придавалось большое значение осмыслению исторического опыта и целенаправленному сохранению исторической памяти. В этой среде интеллектуалов, так же как среди придворной знати и школяров, подбирались и неко-

¹⁸³ В частности, в качестве основы повествований в них могли использоваться те же события из истории, что и в исторических произведениях, но в философском сочинении они были нацелены на обоснование или подкрепление какой-либо идеи, а не на передачу сведений о прошлом. См.: *Ульянов М.Ю.* Структура и содержание повествований в *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сб. маг-лов VI междунар. конф., 25 по 29 июня 2014 г. СПб., 2014. Т. 2.

торые «летописные материалы» (которые в западноханьскую эпоху были собраны и совмещены в «комментирующем комплексе» *Цзочжуань* и вошли в состав *Шицзи*). Видимо, именно на пересечении культурных сред дворца и «института» и должны были возникнуть «летописи». Но этого не произошло — в период с 221 по 202 г. до н.э. политическая ситуация резко изменилась и все эти культурные среды в своем прежнем виде перестали существовать. И при Западной Хань, сохранившись лишь частично, они приняли иные формы — «императорского двора», «двора правителя владения (*гована*)» и «школы канонведения».

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ИСТОРИОГРАФОВ

...было бы неверно сводить историческое сознание к исторической памяти.

*Л.П. Ретина*¹⁸⁴

Выскажем несколько соображений об историческом сознании историографов периода Чуньцю. Будем исходить из того, что оно не было неизменным, в разное историческое время обладало своими специфическими чертами и развивалось в направлении от мифического к «прото-научному». Восприятие историографами исторического прошлого и подходы к описанию произошедшего во многом были обусловлены мировоззрением и мировосприятием, характерными для того времени, а их отношение к создаваемым ими текстам, было задано культурной средой, к которой они принадлежали. В индивидуальном сознании историографов именно это определяло временную глубину исторической памяти, а также отношение к «произошедшему» (в конкретное время — в какой-либо год правления), «прошедшему» (минувшей череде событий, очевидцами которых были историографы) и «прошлому» (далекому, отстоящему на несколько поколений и недоступному чувственному восприятию).

Будем различать историографов-«анналистов» и историографов-«хронистов». Рассмотрение особенностей их исторического созна-

¹⁸⁴ *Ретина Л.П.* Вместо предисловия. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад.* М., 2010. С. 12.

ния связано с определением их принадлежности к той или иной культурной среде или субсреде, их социального положения и задач, которые им приходилось решать.

Даши, историографы-«анналисты» начала периода Чуньцю, вышли из жреческой среды и были близки как к двору, так и к храму предков династии. Их основная задача заключалась в том, чтобы, опираясь на конкретные требования, фиксировать события, а не отбирать их из массива фактов и тем более не осмыслять их в рамках исторических процессов. Выполнение записей регламентировалось нормами, которые больше принадлежали к сакральной сфере, чем светской. Иными словами в историческом сознании «анналистов» господствовало мифическое мышление, в котором религиозно-культовые и обрядово-ритуальные аспекты занимали основное место, а сугубо исторические — подчиненное.

Историографы-«хронисты» конца периода Чуньцю и тем более последующих времен, по-видимому, могли быть и людьми уже несколько иного круга. Если считать, что «хроника» это не абсолютно новое сочинение, а несколько переработанные «анналы», то очевидно, что далеко не всякий *даши* взялся бы за такой труд — и по религиозным, и по политическим соображениям. В новых условиях историографы-«хронисты» могли принадлежать уже к иным, более широким слоям придворной знати; быть ближе к дворцу, чем к храму. Для составления «хроник» они должны были пользоваться доверием правителя и его окружения, иметь доступ в царское книгохранилище, архив придворных документов и т.п. Составление «хроник» также имело свои ограничения, но среди задач «хронистов» большую роль играли не сугубо религиозные, а светские задачи, связанные с необходимостью отражать результаты политической борьбы. Это предполагало определенное переосмысление и всей совокупности сохранившихся сведений, и отдельных событий, а также внимание к их последовательности.

Каковым же могло быть «историческое сознание» историографов-«хронистов»? Обратим внимание на теоретическое положение, которое было сформулировано на материале русского средневекового летописания Е.А. Мельниковой: «главными в историческом сознании летописца были вопросы о *происхождении народа, о происхождении правящей династии/государства и о введении христианства* (курсив мой. — М.У.)». Далее исследовательница продолжает: «В современных терминах ответы на эти вопросы были ключевыми моментами в этнокультурном самоопределении восточных сла-

вян в трех основных аспектах: этногенетическом, политическом и конфессиональном»¹⁸⁵.

В период Чуньцю историю народов заменяла единая для государств *хуася* и, шире, государств чжоуской политической культуры мифическая («священная») история, основными деятелями которой являлись божества. Именно к ним и возводилась история той или иной династии или народа. Перед историографом, например, царства Лу или Цзинь, не стояла задача показать происхождение всего чжоуского народа — это уже было сделано историографами чжоуского домена. В условиях, когда к власти приходили новые рода и возникали новые династии, историографов-«хронистов» прежде всего интересовали вопросы политического характера: им нужно было подтвердить легитимность власти династии, отразить ее основные идеологические установки, а также не допустить сохранения или привнесения любого материала, компрометирующего высшую власть. Поэтому важнейшей задачей «хронистов» являлся отбор сообщений и их упорядочивание в соответствии с взглядами господствующей политической силы.

Историческое сознание историографов (и «анналистов», и «хронистов») в значительной степени было структурировано нормами культа предков и мифического мышления. Тем не менее можно наметить определенные различия. Как представляется, «анналист» это еще не «историк», а всё еще по большей части жрец-историограф. «Хронист» же — уже в значительной степени придворный-историограф. И хотя в рамках процесса сохранения исторической памяти «хронисты» решали и новые задачи, предполагавшие некоторое осмысления хода истории, их произведения еще никак не отражали их индивидуальных взглядов. Их труд не носил творческого характера и не требовал никакой оригинальности мысли. «Хронисты» были сконцентрированы на подборе событий в их причинно-следственной связи, для очевидности которой по правилам, сложившимся в храмовой среде, подбирались наиболее убедительные знамения. Тем самым «хроника» воплощала в себе и прагматизм дворца, и сакральность храма. Такая фиксация связей между событиями и необычными явлениями природы или стихийными бедствиями была связана с поиском закономерной свя-

¹⁸⁵ См.: Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С 153.

зи между действиями государей и реакцией на них высших сил. И если в «анналах» признаки выражения авторского самосознания отсутствуют, то в «хрониках» оно может быть обнаружено, но еще не индивидуальное, а коллективное, т.е. характерное для части знати, ориентирующейся на определенную ветвь правящего рода.

Поскольку «хронисты» были теснее, чем «анналисты», связаны с двором, они в основном являлись сторонниками идеи целостности государства, и, вероятно, разделяли идею почитания династии. А вот идея укрепления власти царя вряд ли могла быть им близка, поскольку многие из них являлись представителями знатных и влиятельных родов, и сильная высшая власть рассматривалась ими как угроза их интересам. Отсюда общая скрытая идея китайской историографии в Древности — нежелательность и пагубность единоличной власти царя. Отсюда и задача историописателей более поздних времен, включая Сыма Цяня, — обосновать то, что носителю высшей власти во благо не стремиться слишком активно участвовать в управлении, а лучше построже соблюдать ритуальные нормы.

Такая же по сути светская функция историописания, как накопление и осмысление опыта прошлого и извлечение из него уроков, начала проявляться далеко не сразу. В период Чуньцю она, вероятно, только вызревала среди историографов некоторых царств. Как-то оформиться она могла в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), когда происходило расширение культурного пространства и наряду с сакрализованными средами храма и дворца возникли профанные среды «философской школы», а затем «придворных институтов». Период Чжаньго — это предымперская эпоха, когда, по характеристике Г.А. Ткаченко, наметился переход от «мифопоэтической картины мира и связанного с ней ритуально-мифологического комплекса... к концептуальности, попыткам первого существенного “упрощения” схемы мировых событий, сведения их к “закономерным”, а, следовательно, познаваемым процессам»¹⁸⁶. Именно тогда и зарождается индивидуальное сознание как таковое, но проявля-

¹⁸⁶ См.: Ткаченко Г.А. Избранные труды: китайская космогония и антропология. М., 2008. С. 137. О похожем явлении на примере античности писал М.Л. Гаспаров, который отметил, что важной чертой осмысления действительности в литературе Древности является стремление «отыскивать во всех явлениях закономерности, а не родственные, подобные человеческим, связи, как то предполагало мифологическое мышление предшествующего периода развития общества». См.: Гаспаров М.Л. Литература европейской античности. С. 306.

ется оно в основном в «философских» и лирических (поэмы Цюй Юаня) произведениях. А вот индивидуальное историческое сознание проявляется только во времена империи Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.), и труд Сыма Цяня (145/135–86 г. до н.э.) «Исторические записки» — первое наглядное тому свидетельство. В «Исторических записках» впервые зазвучал индивидуальный голос, изложены некоторые личные мысли, а порой прорываются и эмоции¹⁸⁷. Поэтому неслучайно Сыма Цяня принято считать первым «историком». В отличие от редакторов *Чуньцю* он не только подталкивал читателя к размышлениям и самостоятельным выводам, но местами прямо высказывал то, что хотел сообщить читателю. В его подходе к компоновке материала, выраженном, например, в стремлении к синхронизации событий, произошедших в различных царствах, а также в оценке ряда событий и поведения исторических персон (например, при составлении сопоставительных биографий в разделе *лечжуань*), заметны признаки «прото-научного» мышления. Для Сыма Цяня характерно и стремление сохранить для потомков память о прошедших временах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы попытались осветить ряд вопросов, связанных с характеристикой процесса сохранения исторической памяти в Древнем Китае периода Чуньцю (771–453 г. до н.э.). Мы исходили из того, что условия для порождения и развития определенных культурных явлений в Древности существовали в конкретных *культурных средах*. В рассматриваемое время устные произведения порождались всеми слоями общества, и большую часть из них составляли поэтические тексты, принадлежавшие к различным жанрам фольклорной литературы. А создание письменных произведений осуществлялось в двух тесно связанных культурных средах:

¹⁸⁷ Сыма Цянь, являясь наследственным придворным историографом, в силу обстоятельств политической борьбы оказался противопоставленным и двору, и императору. Описанию его исторического сознания как историка поздней Древности посвящена отдельная глава в книге Ю.Л. Кроля. В ней затронуты такие вопросы, как взгляды Сыма Цяня на задачи историографии, неизменное и изменяющееся в истории, закон «воздаяния», взаимоотношения между Небом и человеком, «повеление Неба» и усилия людей др. (*Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. С. 82–203).

храмовой и дворцовой. Там же осуществлялись их *сохранение* и *репрезентация*. Важнейшие особенности содержания письменных произведений, в том числе и связанных с историописанием, были обусловлены религиозно-ритуальными нормами, характерными для этих сред.

Представления о прошлом существовали в двух формах: «священной» и «реальной истории». Задача передачи «священной истории» была возложена на жречество, а для фиксации «реальной истории» потребовались новые должностные лица. Не удивительно, что они появились именно в храмовой среде, но в описываемое время выполняли определенные обязанности при дворе.

Наше внимание было сконцентрировано не столько на особенностях восприятия в этих культурных средах прошлого, сколько на порождавшихся ими письменных произведениях, в которых сохранялась историческая память. Храмовая среда была сравнительно однородной. В ней создавались различные произведения, связанные прежде всего с сохранением «священной истории». Это тексты литургического характера, объединенные в категории «писаний» (*шу*) и «песнопений» (*ши*). Дворцовая среда, прагматичная по своей природе, но строго регламентированная нормами дворцового церемониала, была менее однородной. Здесь тексты создавались непосредственно при дворе, в придворной канцелярии и, по-видимому, «придворной школе». Если в период Западное Чжоу большую часть письменных текстов порождала храмовая среда, то в течение периода Чуньцю круг записываемого расширялся и при этом возрастало значение текстов, порожденных дворцовой средой.

В период Чуньцю историописание носило *официальный* характер и существовало в виде специализированных исторических произведений двух типов: «анналов» и «хроник». «Анналы» создавались в храмово-дворцовой субсреде, а «хроники» — в дворцовой. Оставаясь высоко сакрализованным видом письменных произведений, «анналы» хранились в храме и были малодоступны. Одновременно в ряде царств всё более значимой формой сохранения исторической памяти становились «хроники». Они хранились в придворном книгохранилище и были более доступны, их мог прочитать тот, кто пользовался доверием правителя. Иными словами, зарождение официального историописания происходило в храмовой среде, а развитие — в дворцовой.

Ведение «анналов» было регламентировано системой норм и правил, касавшихся их содержания, языка, способов выполнения

записей. «Анналы», сохраняя свой высокий сакральный статус, были мало подвержены изменениям и стояли особняком от других форм письменной фиксации исторической памяти. Они не были предназначены для досужего чтения, а, по-видимому, использовались во время выполнения некоторых религиозных церемоний.

Внесение записи в «анналы» являлось сакральным актом, и этим занимались принадлежавшие к храмово-дворцовой культурной среде историографы *даши* (им помогали *наньши*), а прозаические тексты литургического характера («писания» *шу*) составлялись и декламировались жрецами *ши*. Знание о прошлых временах их объединяло, но не уподобляло друг другу. *Даши*, записывая произошедшие события, отвечали за сохранение сведений о «реальной истории», а жрецы *ши* — «священной». Историографы *даши*, отделившись от жречества и сохраняя тесную связь с храмовой средой (они лучше других знали существовавшие нормы совершения религиозных церемоний), всё больше вовлекались в жизнь дворцовой среды (входили в число доверенных людей правителя и выполняли его поручения) и становились своего рода посредниками между этим двумя культурными средами. В придворной иерархии статус *даши* был выше, чем статус главного жреца *чжуши*. А жрецы *ши* в жреческой иерархии занимали четвертую позицию. С *даши* их объединяло то, что и те, и другие, являясь хранителями знаний о нормах проведения религиозных церемоний, были наделены правом оценки соответствия поступков носителей высшей власти ритуальным требованиям. Их объединяло и то, что жрец *ши* в ситуации контакта с носителем высшей власти (правда, в отличие от *даши*, не напрямую) мог высказывать правителю свои рекомендации.

То, что хранилось в памяти «анналистов» и могло быть передано устно, по своему объему было несоизмеримо больше, чем то, что могло найти отражение в письменном виде. Для последнего в культуре периода Чуньцю было выработано еще слишком мало механизмов. Поэтому порождение новых по содержанию или жанру текстов шло очень медленно, и часто новые по задачам произведения имели формы и носили названия уже существовавших. При этом более «податливыми» для записи были сведения о «реальной истории», а большая часть сведений о «священной истории» длительное время записыванию не подлежала.

Перенос «хроники» в «философскую школу» в конце периода Чуньцю задал одну из культурных моделей развития неофициаль-

ного историописания. Но в этой культурной среде она могла быть реализована лишь отчасти. Что касается такой культурной среды, как «придворные институты», то, поскольку они существовали при дворах представителей знати разного уровня, создававшиеся в них «летописные материалы» (тексты различных жанров, несшие историческое содержание) так или иначе сохраняли черты официального историописания. Возможностей для развития неофициального историописания в период Чуньцю, да и Чжаньго, было крайне мало, поскольку подходящей для этого культурной среды всё еще не возникло. Даже известный труд западноханьской эпохи — «Исторические записки» Сыма Цяня — оставался плодом официального историописания. Неслучайно он считается первым в череде именно «официальных историй» *чжэньши* 正史 (букв. «правильных»). В нем можно обнаружить только отдельные черты неофициального историописания, например в послесловиях автора к отдельным главам, где Сыма Цянь высказывал свои суждения.

Приложение 1

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Выделим периоды протекания этого процесса. Обратим внимание на то, что их временные границы не всегда строго соответствуют границам исторических периодов. Это связано с тем, что в начале нового исторического периода процесс сохранения исторической памяти развивался еще в силу инерции предыдущего периода. А переход к новому этапу сохранения исторической памяти в системе официального историописания бывал, как правило, вызван некими чрезвычайными обстоятельствами внутри исторического периода.

1. Складывание предпосылок и зарождение форм письменного сохранения исторической памяти (2500–1150 гг. до н.э.). Отсутствие потребностей и возможностей письменной фиксации исторической памяти. Существование традиционных устных форм ее сохранения.

1.1. 2500–1600 гг. до н.э. Возникновение государственности. Основной центр накопления и передачи социального опыта: Нижняя Янцзы и Шаньдун. Формы сохранения памяти о прошлом:

генеалогии, устное эпическое сказание. Данные о прошлом деисториизировались и мифологизировались по законам развития мифов и легенд. Например, в мифологию *хуася* был включен юэский (*вьетский*) бог Великий Юй, который обустроил земли Великой равнины. Появление «циклических знаков».

1.2. 1600–1250 гг. до н.э. Развитие государственности. Основной центр социального опыта: Средняя Янцзы и левобережье восточной части Средней Хуанхэ; а также периметр Великой Равнины на юге, востоке и западе. Формы сохранения памяти о прошлом: устное героическое сказание. Превращение в легенду и историческое предание (о «государстве» Ся и борьбе с ним исторического основоположника династии шанских правителей Чэн Тана; о его «соправителе» — «первом министре» И Ине). Возможно, началась письменная фиксация списков «предков» — прежде всего предков правителей, членов их родов и родов «соправителей». Использование для этого системы «циклических знаков».

1.3. 1250–1150 гг. до н.э. Возникновение государства нового типа (Шан) и, как следствие, возникновение потребности в письменной фиксации памяти о прошлом. Поиск ее форм. От записи генеалогических списков к записи деяний правителей (например, в мантической практике).

2. Оформление форм письменного сохранения исторической памяти (ок. 1150–850 гг. до н.э.). Возникновение и развитие различных ранних форм письменной фиксации произошедшего.

2.1. 1150–1027 гг. до н.э. Расцвет и гибель государства Шан. Усложнение институтов светской и духовной власти — формирование жреческого и бюрократического слоя. Появление института *ши* 史 (совр. 史, «писцов») — на пересечении жречества и служилых из числа высшей знати, чья деятельность была связана с записью и оглашением сакральнозначимых текстов. Возможно, зарождение идеи (но не ее строгая реализация) ведения при дворе «анналов». Складывание предназначенных для передачи «священной истории» «литургических произведений» различных жанров.

2.2. 1027–850 гг. до н.э. Западное Чжоу (до Ли-вана, 857–842 гг. до н.э.). Ведение «анналов» при дворе чжоуского вана как атрибута государственности и во владениях потомков Вэнь-вана и У-вана как символа принадлежности к одной династии Цзи 姬. Развитие систем жреческих и служилых должностей — разделение полномочий. Выделение из них отдельной группы — историографов *даши* 大史.

3. Принятие классических форм письменного сохранения исторической памяти (ок. 850–221 гг. до н.э.). Складывание норм официального историописания в их классическом виде — ведение «анналов» и составление «хроник» при дворе, их изучение в «философских школах» и «институтах *бинькэ*», создание там же «летописных материалов».

3.1. Конец периода Западное Чжоу (850–771 гг. до н.э.). Двор чжоуского вана и владения — ведение «анналов». Усложнение системы должностей за счет специализации обязанностей, более четкое разделение жрецов и чиновников. Определение функций историографов *даши*, а также представителей различных категорий жречества в сфере сохранения исторической памяти.

3.2. Период Чуныцю (771–453 гг. до н.э.). Ведение «анналов» при дворе чжоуского вана и в царствах (бывших владениях), возникновение «хроник» в результате сокращения и включения дополнительных сообщений из различных источников (документов придворной канцелярии и др.). Развитие института историографов *даши*, вовлечение их в политическую жизнь. Кодификация литургических текстов, которые во время религиозных церемоний исполнялись жрецами *ши* 史 и *зу* 瞽. Постепенная десакрализация традиции передачи знаний об историческом прошлом. Рост роли двора в создании письменных произведений.

3.3. Период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.). Дворы правителей царств, «философские школы». Расширение жанров письменной фиксации исторической памяти. Расширение возможностей записи, хранения и передачи текстов сравнительно большого объема, появление «книги» — в виде связки планок — и ее широкое распространение. Процесс «литературизации» части исторических материалов. Рост профанной составляющей. Формирование в различных культурных средах и на основе разных источников «летописных материалов».

4. Становление имперского историописания (221 г. до н.э. — 23 г. н.э.)

4.1. Империя Цинь, гражданская война за циньское наследие и начало Западной Хань (221–141 гг. до н.э.). Переход от ведения «анналов» и составления «хроники» царства к «истории империи». Собираание и хранение материалов предшествующих эпох в императорском столичном книгохранилище и в книжных коллекциях высшей региональной знати. Естественное забывание прошлого.

4.2. Становление Западной Хань как общерегиональной империи (141–33 гг. до н.э.). Создание труда Сыма Цяня *Шицзи* («Истори-

ческие записки»). Ветшание книжного фонда, сохранившегося со времен Чжаньго и Цин.

4.3. Кризис первой долговременной империи и начало борьбы Ван Мана за власть (33 г. до н.э. — 23 г. н.э.). Понимание неизбежности утраты книжного фонда периода Чжаньго. Государственный проект сохранения письменного наследия в условиях борьбы за высшую власть родственников по женской линии из рода Ван и императорского правления Ван Мана.

Приложение 2

ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТА ГОЮЙ

Гоюй — ценный исторический источник, в котором были собраны многие исторические повествования, по каким-либо причинам не вошедшие в состав «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* или в «Исторические записки» Сыма Цяня. Здесь также встречаются иные варианты этих повествований, нежели в названных сочинениях. В *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211) в сообщении о царстве Чу времен правления чуского Чжуан-вана (613–591 гг. до н.э.) перечислены девять произведений, которые хранились в придворной библиотеке рубежа VII–VI вв. до н.э. Круг этих текстов был достаточно широк, книги так или иначе были связаны с сакральной сферой и использовались для обучения и воспитания наследника. Публикуемый фрагмент интересен тем, что в нем указано воспитательное значение каждого произведения, из чего можно получить некоторые сведения и об их содержании. В основе — перевод К.В. Васильева¹⁸⁸, отредактированный нами.

Шу ответил: «Обучая его “Чуньцю”, восхваляйте добро и порицайте зло, чтобы этим вселить в его сердце осторожность и усердие. Обучая его “Родословиям”, прославляйте обладавших блестящими добродетелями, и отвергайте тупых и невежественных, чтобы в своих действиях он стремился подражать [добродетельным] и испытывал перед ними благоговение. Обучайте его “Песням”, направляйте к блестящим добродетелям и увеличивайте их в нем, чтобы совер-

¹⁸⁸ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91. Еще один вариант перевода данного сообщения принадлежит переводчику *Гоюй* В.С. Таскину. В нем он не стал выделять названия книг, а дал раскрытие их содержания. См.: *Гоюй (Речи царств)*. С. 245–246. Академическое издание памятника см.: *Го юй (Речи царств)*. Шанхай, 1978.

шенствовать его стремления. Обучайте его “Церемониям”, чтобы он знал различия между высшими и низшими. Обучайте его “Музыке”, чтобы смыть [душевную] грязь и искоренить легкомыслие. Обучайте его “Приказам”, чтобы он узнал, как проверять и подбирать чиновников. Обучайте его “Речам”, чтобы он понял скрытую в них добродетель и знал, что покойные правители (ваны) стремились распространить блестящие добродетели в народе. Обучайте его “Древним описаниям”, чтобы он, узнав об уничтоженных и возвысившихся [царствах], с осторожностью и благоговением относился к этому. Обучайте его “Сводам установлений”, чтобы он знал относящихся к одному клану, и действовал, сообразуясь с долгом».

(問于申叔時，叔時曰：教之《春秋》，而為之聳善而抑惡焉，以戒勸其心；教之《世》，而為之昭明德而廢幽昏焉，以休懼其動；教之《詩》，而為之導廣顯德，以耀明其志；教之《禮》，使知上下之則；教之《樂》，以疏其穢而鎮其浮；教之《令》，使訪物官；教之《語》，使明其德，而知先王之務用明德于民也；教之《故志》，使知廢興者而戒懼焉；教之《訓典》，使知族類，行比義焉)。

ИСТОЧНИКИ

Бамбуковые анналы (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) / Изд. текста, пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М., 2005.

Бань Гу. Хань шу («История [империи] Хань»). Пекин, 1962.

Гоюй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987.

Го юй (Речи царств). Шанхай, 1978.

Книга песен / Пер. А.А. Штукина. М., 1987.

Мэн-цзы / Пер. с кит., указат. В.С. Колоколова. СПб., 1999.

Мэн-цзы цзичжу (Мэн-цзы с собранием комментариев) / Сышу цзин. Пекин, 1996. Т. 1.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2001. Т. 1.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1986. Т. 4.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1987. Т. 5.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, М.Ю. Ульянова, при участии С.И. Кучеры, В.В. Башкеева, С.В. Дмитриева, М.С. Королькова, М.С. Целуйко. М., 2010. Т. 9.

- Ли цзи («Записи о церемониях») // Сышу уцзин. Пекин, 1985. Т. 2.
- Хуан Хуайсинь. И Чжоушу цзяобучжу и («Не включенные в канон писания [дома] Чжоу») с комментарием, дополнительными пояснениями и переводом»). Сиань, 1996.
- Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В.М. Майорова; Послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014.
- Чуньцю Цзочжуань чжу («Вёсны и осени» и «Комментарий Цзо» со сводными комментариями) / Коммент. Ян Бо-цзюня. Пекин, 2000. Т. 1–3.
- Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням” / Исслед., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указат. М.Ю. Ульянова. М., 2011.

ЛИТЕРАТУРА

- Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // ОГК-XLIV. 2014. (Уч. Зап. Отдела Китая. Т. 44, вып. 15).
- Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»: Исслед. и пер. М., 1968.
- Васильев К.В. Из истории древнекитайских письменных памятников // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 11: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии.
- Васильев К.В. Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии (Критический обзор исследовательской части книги: Imber A. *Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan*. Vol. 1, 2. Stockholm, 1975) // ППВ, 1975. М., 1982.
- Васильев К.В. Ранняя история древнекитайских письменных памятников // Рукописная книга в культуре народов Востока. М., 1988. Кн. 2.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- Васильев Л.С. Проблема мифов и исторических преданий в Шан-Чжоу // ОГК-XXIX. 1999.
- Васильев Л.С. Древний Китай. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). М., 2000. Т. 2.
- Гаспаров М.Л. Литература европейской античности. Введение // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гребнев Г.А. Формирование системы посмертных имен в древнем Китае по данным письменных источников // Синологи мира к юбилею Ст. Кучеры: Собр. тр. М., 2013.

- Деопик Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // ОГК-IV. 1973. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // ОГК-V. 1974. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Государство Ци в VIII — начале V в. до н.э. (по данным «Чуньцю») // ОГК-VI. 1975. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Исторический контекст-анализ // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. науч. совещ. М., 1987.
- Деопик Д.В.* Некоторые тенденции социальной и политической истории Восточной Азии в VIII–V вв. до н.э. (на основе систематизации данных «Чуньцю») // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999.
- Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999.
- Деопик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии (современные представления) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение: Тез. докл. М., 2008.
- Деопик Д.В.* Царство Мо — первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. М., 2009. Сб. 1.
- Деопик Д.В.* Вступительная статья // Чуньцю Цзочжуань («„Комментарий Цзо“ к „Вёснам и осениам“») / Исслед., пер. гл. 1–5, коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова. М., 2011.
- Деопик Д.В.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011.
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 7–118; 2012. Вып. 6. С. 205–249; 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 15–103.
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у хуася во II тыс. до н.э. // ОГК-XLIII. 2013. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 43, вып. 8).
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи»: периодизация исторического процесса в центре Восточной Азии с 2500 г. до н.э. по 220 г. н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.
- Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.
- Доронин Б.Г.* Об истоках одной особенности китайской феодальной историографии // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. История. Язык. Литература. 1979. Вып. 2.

- Доронин Б.Г.* Институт «историографов» (*шигуаней*) и его место в цивилизационных процессах в Древнем Китае (к характеристике явления) // Философия Восточно-азиатского региона и современная цивилизация: XIII–XIV Всероссийские конференции (Москва, 21–22 мая 2007 г., 22–23 мая 2008 г.). М., 2008. Ч. 1.
- Зинин С.В.* Отражение «И цзина» в «Цзо чжуани» и концепция перемен // ОГК-ХV. 1984. Ч. 1.
- Зинин С.В.* Мантические ритуалы *бу* и *ши* в эпоху Чунь цю (VIII–V вв. до н.э.) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
- Иванов А.Е.* «Цзочжуань» и «Ши цзин»: от цитаты к первоисточнику // ППВ. 2006. Вып. 1 (4).
- Инь Чэнпин.* Си Чжоу бэндяо жэньтоусян чжунцзу таньсу (Предварительное рассмотрение этнической принадлежности вырезанного из раковины изображения мужской головы времен Западного Чжоу) // Вэньу. 1986. № 1.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI в. М., 2013. Т. 2.
- Карпетьянц А.М.* “Чуньцю” и древнекитайский „историографический“ ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
- Карпетьянц А.М.* У истоков китайской словесности. М., 2010.
- Кобзев А.И.* «Канон перемен» как мировая константа // В пути за китайскую стену: К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014.
- Колоколов В.С.* Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М., 1979. Т. 1.
- Корольков М.В.* Сыма Цянь *Шицзи* («Исторические записки»), гл. 121. *Жулинъ лучжуань* (Жизнеописания ученых-канонистов). Введение к переводу // История Китая. Мат-лы китаеведческих конф. ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007.
- Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.
- Крюков М.В.* Китай и Юго-Восточная Азия // Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984.
- Крюков В.М.* Текст и ритуал. М., 2000.
- Крюков М.В.* К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // Древние системы письма: этническая семиотика. М., 1986.
- Лисевич И.С.* Литературная мысль Китая. М., 1979.
- Лю Гуанъюй.* Шан Чжоу цзянь цэ као ши (Исследование *цзянь* и *цэ* в периоды Шан и Чжоу) // Цзинань дасюэ сюэбао (шэхуй кэсюэбао). 2010. № 5.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999.

- Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006.
- Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 2004.
- Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетие н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. М., 1988. Кн. 2.
- Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010.
- Позднеева Л.Д. Ораторское искусство // Литература древнего Востока. М., 1962.
- Позднеева Л.Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011.
- Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011.
- Попова Г.С. Некоторые результаты сравнения текстов *Шуцзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.). // ОГК-ХЛII. 2012. Ч. 3.
- Попова Г.С. Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шуцзина* // ОГК-ХЛIII. 2013. Ч. 1.
- Попова Г.С. *Шуцзин* во второй половине I тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *губэнь* и *цзиньвэнь* // ОГК-ХЛIV. 2014. Ч. 1.
- Попова Г.С. Проблема происхождения «Предисловий к записям» (*Шу-суй*) (в печати).
- Рубин В.А. О датировке и аутентичности «Цзочжуань» // Проблемы востоковедения. 1951. № 1.
- Рубин В.А. «Цзочжуань» как источник по социальной истории периода Чуньцю: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
- Рубин В.А. Дневники. Письма. Тель-Авив, 1988. Кн. 1–2.
- Рубин В.А. Был ли в истории китайской литературы «этап ораторского искусства?» // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. «Записки о музыке» («Юэ-цзи») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Как Сыма Цянь изображал период Чуньцю // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. О народном собрании в древних государствах Восточной Азии // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по «Цзочжуань») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.

- Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
- Сюй Чжаочан. Чжоудай шигуань вэньхуа: Цянь чжоусинь ци хэсинь вэньхуа синтай яньцзю (Культура историографов Чжоуской эпохи: исследование морфологии сердцевины культуры в предьосевое время). Чанчунь, 2001.
- Сюй Чжаочан. Сянь Цинь шигуань дэ чжиду юй вэньхуа (Состав историографов доциньского времени и культура). Харбин, 2006.
- Тахо-Годи А. А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988.
- Ткаченко Г.А. Избранные труды: китайская космогония и антропология. М., 2008.
- Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Ульянов М.Ю. Мифическая часть генеалогии правителей царства Чу (конец II — конец I тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2002 г., Востоковедение. Тез. докл. М., 2002.
- Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты исследования «Древнего текста “Бамбуковых анналов”» (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2006 г. Востоковедение: Тез. докл. М., 2006. Кн. 1.
- Ульянов М.Ю. «Бамбуковые анналы» (древний текст) и сведения о политической культуре Китая (VIII–III вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф. М., 2007. Кн. 1.
- Ульянов М.Ю. К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э. // Губеровские чтения. М., 2009. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность.
- Ульянов М.Ю. Первые упоминания Юго-Восточной Азии в китайских источниках: проблема Хуанчжи (текстологический аспект) // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность.
- Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения *Чуньцю Цзочжуань*: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // ОГК-XLI. 2011.
- Ульянов М.Ю. Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)? // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16 апреля 2012 г.). М., 2012.
- Ульянов М.Ю. «Историографы» *даши* при дворах государей ряда царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Восток–Запад. Историко-литературный альманах, 2011–2012. М., 2013.
- Ульянов М.Ю. Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditore Iлье

- Сергеевичу Смирнову. М., 2013. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. 50).
- Ульянов М.Ю. Данные *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») о ведении «анналов» в царствах Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014.
- Ульянов М.Ю. О религиозных церемониях в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжуань* // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.
- Ульянов М.Ю. Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. Лето. М., 2014.
- Ульянов М.Ю. Структура и содержание повествований в *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сб. мат-лов VI междунар. конф., 25 по 29 июня 2014 г. СПб., 2014. Т. 2.
- Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к *Чуньцю*»): соотношение «исторического» и «каноноведческого» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб., 2014.
- Ульянов М.Ю. Старшие жрецы *чжу* при дворах правителей царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Кнорозовские чтения. М., 2015 (в печати).
- Ульянов М.Ю., Халтурина П.В. Эпиграфический массив царства Цинь из Хоума (V в. до н.э.): общее описание в историко-археологическом контексте // ВЭ. 2014. Вып. 7.
- Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. М., 2014.
- Халтурина П.В. Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цинь // ОГК-XLI. 2011.
- Халтурина П.В. Основные этапы формирования земель царств Вэй, Хань, Чжао и их завоевания Цинь в период Чжаньго: опыт картографического исследования // ОГК-XLII. 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 6, т. 1).
- Целуйко М.С. Циньские эпиграфические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н.э.) // ВЭ. М., 2011. Вып. 5.
- Целуйко М.С. Особенности нелинейной структуры древнекитайских эпиграфических текстов из могилы в Шуйхуди // ВЭ. М., 2013. Вып. 7, ч. 1.
- Чэнь Мэнцзя. Шаншу тунлунь (Общее исследование *Шанци*). Пекин, 1985.
- Шэнь Цзыцзе. Шигуань цзай Цзочжуань чжун дэ чжэнчжи юй вэньхуа цзяосэ (Историографы в *Цзочжуань* — их роль в политике и культуре) // Фу да чжун янь со сюэкань. 2005. № 15.

- Allan S. What is a *shu* 書? // European Association for the Study of Chinese Manuscripts Newsletter. 2011. N 4.
- Blakeley B.B. «On the authenticity and nature of the *Zuo zhuan*» revisited // Early China. 2004. Vol. 29.
- Norman J. A Note on the Origin of the Chinese Duodenary Cycle // Linguistics of the Sino-Tibetan Area. Canberra, 1985.
- Pines Yu. Foundations of Confucian Thought: Intellectual Life in the Chunqiu Period, 722–453 B.C.E. Honolulu, 2002.
- Pulleyblank E. Ji 姬 and Jiang 姜: the role of exogamic clans in the organization of the Zhou polity // Early China. 2000. Vol. 25.
- Schaberg D. A Patterned Past: Form and Thought in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2001.
- Vogelsang K. Inscriptions and proclamations: on the authenticity of the “gao” chapters in the *Book of Documents* // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 2002. Vol. 74.
- Wai-ye Li. The Readability of the Past in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2007.

Mark Yu. Ulyanov

ON THE PROCESS OF PRESERVATION
OF HISTORICAL MEMORY IN ANCIENT CHINA
OF CHUNQIU PERIOD (771–453 B.C.)

In the present article we tried, based on the analysis of information from written sources, to define a pattern of the process of “preservation of historical memory” in the East Asia historical region starting from early statehood of the mid-third millenium B.C. up to the rising of the empire of the Eastern Han in 25 A.D. Our attention was mainly focused on systematizing ideas on forms of preservation of memory of the past in the period of Chunqiu (771–453 B.C.), first of all on official historical records. We described the functions of annalists and of some representatives of priesthood involved in the process of writing annals.

We assumed that conditions for generating and further developing of certain cultural phenomena including the preservation of the memory of the past existed in certain *culture media*. During the period considered memory of the past could be preserved both in oral and written form. Oral texts were produced by all the social classes, and the major part of them were pieces of poetry belonging to various folklore genres. Whereas written works were created within two integrated culture media: temples and palaces. The same two culture media served for *preservation* and *representation* of those works.

The past was regarded as “sacred” and “real” history. The function of the conveying of “sacred history” was vested in priesthood, the recording of “real history” demanded special officials. They appeared within temple media, but during the period studied performed certain duties at court.

The official form of historical records was shaped by the establishing of the institution of annalists (*dashi*). In the previous period, the Western Zhou (1027–771 B.C.), *dashi* belonging to the higher class of priesthood at the capital were responsible for holding religious rituals within the ancestral veneration of ruling dynasty as well as other cults.

In the kingdoms of the Chunqiu period the ceremonies within the ancestral veneration cult were held by the rulers themselves, the task of holding other ceremonies was passed on to the senior priests *zhu*, and *dashi* operating within the ancestral veneration cult focused on keeping annals wherein they regularly recorded major deeds of supreme power holders as well as other outstanding events. At that, while enjoying their high status among priests they acquired high standing at court. Thus, keeping *annals*, the main form of preservation of historical memory, was closely connected with religious beliefs, viz. the veneration of ancestors of ruling dynasty, the main cult in the kingdom.

Key words: Ancient China, Chunqiu, forms of preservation of historical memory, history records, annals, chronicles, culture media